

МОСКОВСКИЙ АДВОКАТ №1 2019

Издается 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бардин Л.Н. Переход из... В..., от... К... 2

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О книге Муромцевой Марии «Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. Повествование в документах, воспоминаниях, письмах, свидетельствах очевидцев». Аннотация 3

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тарасенко В.Г. Философские концепции истины и цели права 4
Бабасов К.А. Как добиться эффективности экспертиз 17
Кузнецова Т. Крымский Минюст вынес предписание об исключении Эмиля Курбединова из состава коллегии адвокатов 19

ОФИЦИАЛЬНО

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 22
Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 26
Резолюция по результатам экспертной дискуссии «Право адвоката: что мешает защитить человека в России» 30
Резолюция «Об "интерфейсе" правосудия» 38

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ И АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 января 2019 г. 40
Разъяснение Комиссии по этике и стандартам по вопросу осуществления адвокатом деятельности эскроу-агента 41
Необходимо единство практики 43
Обращение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 декабря 2018 г. 47

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бардин Лев Николаевич,
член Научно-консультативного Совета
Федеральной палаты адвокатов,
кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Галоганов Алексей Павлович,
президент Адвокатской палаты Московской
области, доктор юридических наук

Залманов Валерий Яковлевич,
председатель Президиума Московской
Межтерриториальной коллегии адвокатов

Канишевская Наталья Владимировна,
Президент Московского клуба юристов,
член Совета Адвокатской палаты города Москвы

Поляков Игорь Алексеевич,
президент Адвокатской палаты города Москвы

Резник Генри Маркович,
первый вице-президент Адвокатской палаты
города Москвы, вице-президент Федеральной
палаты адвокатов, профессор

Сергеев Владимир Иванович,
адвокат, доктор юридических наук, профессор

Шаров Геннадий Константинович,
вице-президент Федеральной палаты адвокатов,
адвокат, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Клен Николай Наумович,
член Президиума Межреспубликанской коллегии
адвокатов, советник Адвокатской палаты города
Москвы

Клювгант Вадим Владимирович,
вице-президент Адвокатской палаты города
Москвы, кандидат исторических наук

Меклер Владимир Александрович,
член Совета Адвокатской палаты города Москвы

Тай Юлий Валерьевич,
адвокат, кандидат юридических наук

Тарасов Андрей Семенович,
адвокат, член Квалификационной комиссии
Адвокатской палаты города Москвы,
кандидат юридических наук, доцент

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф.,
Ренов Э.Н., Трунцевский Ю.В.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ:

Объединенный каталог. Пресса России – 93649

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Верстка: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ/ИЗДАТЕЛЯ:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7. Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.
ПИ № ФС77-33092 от 11 сентября 2016 г.

Подписано в печать 21.01.2019. Выход в свет 20.02.2019.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа». 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. – 6,0.
Усл. печ. л. – 8,0. Общий тираж 2000 экз. Цена свободная

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции

Репродукция, размещенная на обложке:

Оноре Домье. Защитник. 1862–1865.

ПЕРЕХОД ИЗ... В..., ОТ... К...

Уважаемые коллеги!

Вот и наступил 2019 год. Хотя наиболее упертые «отмечающие» уже готовы к встрече праздника по восточному календарю. Как обычно, время между сдачей в типографию четвертого номера журнала за прошлый год и формированием содержания первого номера в году новом заполняется самой различной информацией с конца прошлого года, так или иначе переходящей в год наступивший. Некое состояние перехода. От загаданных желаний к их исполнению. От надежд к разочарованиям, и наоборот. От тщательно спланированных действий к их успешному завершению или хотя бы продолжению. И, как всегда, никто не застрахован от сюрпризов. Как не порадоваться за тех, кто твердо решил оставить в прошлом году людей, создававших дискомфорт. В то же время как не посочувствовать тем, кто для решения своих задач использовал людей как расходный материал. Ведь бумеранг рано или поздно обязательно вернется. Переход — это и целый список изменений законодательства и новых нормативных актов, принятых в году прошлом, а вступающих в силу в году наступившем. Среди новых нормативных актов интересным представляется

Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации». В отличие от ответов на адвокатские запросы (30+30 дней, а то и просто отказ по одной из трех причин), на запросы Уполномоченного придется отвечать в течение пятнадцати дней. Посмотрим, как Уполномоченный будет пользоваться своим правом на обращение в суд с административными исковыми заявлениями. 10 октября 2018 г. состоялось подписание протокола о внесении изменений в Европейскую Конвенцию о защите персональных данных (Конвенция 108). Как отмечают эксперты, эта конвенция является в настоящее время единственным глобальным международным договором в сфере защиты персональных данных, носящим юридически обязывающий характер¹.

В декабре прошлого года состоялся очередной Общероссийский гражданский форум. Из принятых по результатам работы различных дискуссионных площадок форума документов особо хотелось бы отметить две представляющие для коллег интерес резолюции: «Право адвоката: что мешает защитить человека в России» и «Об «интерфейсе» правосудия». Тексты резолюций размещены на страницах нашего журнала.

25 октября 2018 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1272 была утверждена Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 гг.». Текст программы также размещен на страницах журнала.

В первом чтении принят проект федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»». Судя по высказываниям на самых различных площадках, значительное количество замечаний, в том числе и замечаний от Федеральной палаты адвокатов, законодателями при рассмотрении проекта в первом чтении учтено не было. Высказываются надежды, что во втором чтении их все-таки учтут. Что же, и мы будем надеяться...

В середине января прошла информация, что Павел Крашенинников отозвал с рассмотрения в Государственной Думе свой законопроект № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». Уже хорошо. Больше нет «яблока раздора» между Федеральной палатой адвокатов и Ассоциацией юристов России. Сообщается, что причиной отзыва послужило подписание Президентом России так называемого Закона о процессуальной реформе, подготовленного Верховным Судом Российской Федерации, и предусматривающего, в частности, что представителями сторон в суде при рассмотрении гражданских и арбитражных дел могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, за исключением дел, подлежащих рассмотрению мировыми судьями или районными судами. Иными словами, «реформаторство» в части представительства коснулось только апелляции, кассации и надзора. А в судах первой инстанции по-прежнему представлять смогут лица без юридического образования. Стоит задуматься о перспективах изменения или отмены вынесенных решений в вышестоящих судах после подобного «представительства» в первой инстанции.

В очередной раз Федеральная палата адвокатов любезно предоставила для читателей нашего журнала весьма интересные материалы как со страниц «Адвокатской газеты», так и с сайта палаты. Читайте, пользуйтесь.

Настоятельно рекомендую коллегам прочитать опубликованную в «Независимой газете» 4 декабря прошлого года статью Валерия Вяткина «Игуменья в роли Деточкина»². Особо обратите внимание на выступление в процессе представителя потерпевших Ф.Н. Плевако.

В наступившем году ожидается много новостей. От давно обещанной новой редакции проекта Концепции Российской Федерации, учитывающей многочисленные замечания и предложения, до решений конференции и съезда. Как говорилось когда-то, достойно их встретим. Давно замечено, что при любом переходе что-то теряется, а что-то находится. Находок будет намного больше, если в пути не потерять себя.

Бардин Лев Николаевич,

главный редактор,

член Научно-консультативного Совета Федеральной палаты адвокатов,

кандидат юридических наук

¹ URL: http://www.cnews.ru/news/line/2018-10-11_rossiya_podpisala_protokol_izmenenij_v_evropejskuyu?utm_source=ip_club%2C+facebook&utm_term=ip%2Bclub&utm_campaign=IP_CLUB

² URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-12-04/16_455_fake.html

О КНИГЕ МУРОМЦЕВОЙ МАРИИ «МУРОМЦЕВЫ И ДЕРЮЖИНСКИЕ. МОЯ СЕМЬЯ. ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ, ПИСЬМАХ, СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ»

Аннотация к книге Муромцевой Марии «Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. Повествование в документах, воспоминаниях, письмах, свидетельствах очевидцев» (М., 2016. 1 544 с.)

Книга «Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья» расскажет читателю о двух старинных

русских родах, родственно связанных историческими и личными судьбами их представителей. Материалы книги охватывают огромный период — с XIV по XX вв. включительно. Читателю предоставляется возможность через судьбы конкретных людей увидеть и почувствовать историю своей страны, понять, что такое русское дворянство, его роль в русской истории, ответственность и патриотизм. Муромцевы и Дерюжинские внесли заметную лепту во все сферы российской жизни, дав целую плеяду видных военных, государственных деятелей, представителей юриспруденции, культуры и искусства.

Книга является результатом исследовательской работы с архивами, в том числе с личным архивом семьи Муромцевых-Дерюжинских, включает воспоминания, письма, дневники. Издание богато иллюстрировано, в том числе большим количеством непубликуемого ранее фотоматериала. В книге впервые выявлены обширные родственные связи обоих родов с прославленными в русской истории аристократическими и дворянскими родами. Также впервые многогранно представлен род Муромцевых на протяжении шести столетий — исторически активный, значимый в отечественной истории русский дворянский род.

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ И ЦЕЛИ ПРАВА

ТАРАСЕНКО ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

адвокат Адвокатской палаты города Москвы,
кандидат юридических наук

Владимир Соловьев считал: «Между философами, подходившими к истине, нет большего, чем Гегель, но и наименьший между философами, исходящими из самой истины, больше его»¹.

*Я настаиваю на совершенной беспорядочности
и бессвязности материала реального опыта,
от которого отправляется наука.*

*Понять эту фундаментальную истину
означает сделать первый шаг
на пути к подлинному знанию
в философии науки.*

А. Уайтхед. Предисловие к «Исследованию
принципов познания природы»²

Проблема истины — практическая и теоретическая проблема, что делает ее привлекательной для поколений и поколений мыслителей, но чаще всего удавалось «увидеть истину своими глазами» экспериментаторам, представителям различных ремесел, строителям, геометрам, архитекторам, физикам, математикам, астрономам. К ним, забегая несколько вперед, мы относим также специалистов права и медицины. Следует сразу сказать об этом, чтобы отделить абстрактные рассуждения об истине от практических задач, решаемых человеком. Разумеется, надо, где это возможно, избегать разрыва между повседневным «экспериментом» и объяснением, полагаясь в одних случаях на качественную практику, в других же — на инструментальные и описывающие теории. Применительно к праву, на наш взгляд, нет оснований в процессуальную деятельность и практическую философию, в социологию права, в поиск справедливого и законного, достоверного и истинного, доказанного или недоказанного внедрять предельно общие «философские» вопросы: «Что такое истина?», «Достижима

ли абсолютная истина в судебном процессе?» и другие ложные идеи права. Для юристов, наряду с установлением соответствия высказываний фактическим обстоятельствам правового события, является принципиальным поиск и исправление следственной, судебной и экспертной ошибки, а не поиск философской «абсолютной» или «относительной» истины в материалах конкретного дела.

Оптимистами на этом пути нас делает прогресс науки, этическая честность, практические знания, разработка критериев тождества, обнаружение и фиксация значимой информации, критическое мышление, наконец, как указано выше, механизмы и юридические гарантии нахождения и исправления судебной ошибки — то, чего больше всего опасается современная российская система правосудия и законодатель, исходя из «идеи» стабильности судебного решения независимо от того, насколько это решение соответствует истине, справедливости, законности. Итак, что нам дает научная философия в понимании истины?

Мы обращаем внимание читателей на теоретическое обоснование категории истины в работах двух, безусловно, самых известных философов современности — А. Уайтхеда и К. Поппера.

В интересах нахождения критериев истины — а это особенно важно для права — А. Уайтхед предложил построить критику прошлого и настоящего научного инструментария на пересмотре значения абстрактного анализа или истинности выводов абстрактного мышления применительно к природе³.

³ На наш взгляд, система доказательств соответствия высказываний фактам (истинности суждений) основана А. Уайтхедом на пересмотре отношения к перцептивным знаниям и преодолении абстрактного метода истолкования опыта. «Колоссальный успех научных абстракций (дающий, с одной стороны, материю с ее простым положением во времени и в пространстве, а с другой стороны, разум, воспринимающий, страдающий, рассуждающий, но не вмешивающийся) навязал философии задачу принятия абстракций как наиболее конкретного способа истолкования факта... Но жонглирование абстракциями, разумеется, бессильно преодолеть внутренний хаос, вызванный приписыванием ошибочно адресуемой конкретности научной схеме XVII в.»

¹ Соч. : в 2-х т. Т. 1. 1988. С. 829.

² См.: Саенкова Е.С. Философия природы Альфреда Норта Уайтхеда // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1. С. 107.

В этих целях философ рассматривает природу как объект перцептуального знания и приходит к мысли, что «первоочередная задача философии естественных наук — разъяснить понятие природы...» (Whitehead, 1920). Он указывает на ошибки научного мышления в процессе изучения и истолкования фактов природы. «Беспорядочность и бесвязность материала реального опыта скрыты от нас благодаря влиянию языка, сформированного наукой и подсовывающего нам точные понятия, как если бы они обозначали непосредственное выражение опыта... Я утверждаю, что этот мир есть мир идей... и что выяснение точной связи между этим миром и восприятием, составляющим реальный опыт, есть фундаментальный вопрос научной философии» (Whitehead, 1958)⁴.

А. Уайтхед в своих рассуждениях ссылается на «позицию предварительного реализма, которая принимает природу как совокупность охватывающих унификаций», основываясь на высказывании Дж. Беркли о природе как о «реальности идей в уме» (Уайтхед, 1990)⁵.

Важным является и такое утверждение философа: «...мы можем отбросить термин «кажущаяся», ибо существует только одна природа, а именно природа как она нам дана в перцептуальном знании... Философия науки представляет собой попытку определить наиболее общие черты наблюдаемых вещей. Эти искомые черты — отнюдь не сказочные персонажи, действующие за сценой. Они должны быть наблюдаемыми чертами наблюдаемых вещей. Природа есть то, что наблюдаемо» (Уайтхед, 1990)⁶.

Таким образом, «перцептуальное восприятие природы — единственно верное восприятие, тогда как концептуальное искажает истинный смысл природы. Смешение перцептуального и концептуального восприятий может повлечь за собой подмену истинного вообразимым, непосредственных чувственных данных вымыслом»⁷.

А. Уайтхед также не разделяет гипотезы бифуркационного характера природы, некритичное восприятие субъективных и объективных компонентов природы. Философ пытается сформулировать внутренние противоречия данного взгляда: «Теория бифуркации представляет собой попытку интерпретировать естествознание как исследование причины факта знания. А именно: она представляет собой попытку представить кажущуюся природу

как следствие процессов, протекающих в сознании под воздействием природы каузальной» (Whitehead, 1920).

Но каузальная природа не стремится объяснять природу знаний, ее цель — определение понятия реальности. Философ утверждает, что для того, чтобы создать понятие природы, необходимо, чтобы «мы не могли отбирать и выбирать» (Whitehead, 1920). Природой является то, «что мы воспринимаем». Уайтхед придерживается принципа, что «природа едина, в ней нет разграничения субъективного и объективного, первичного и вторичного, а субъективное восприятие качеств объектов является псевдонаучным постулатом... Существует только одна природа, а именно природа, которая выступает перед нами в перспективном познании» (Whitehead, 1920)⁸.

Философ вслед за Гераклитом⁹ говорит о том, что «природа представляет собой структуру разветвляющихся процессов» в восприятии человека (Whitehead, 1933). Природа как единство «объекта» и «субъекта»; в работе «Понятие природы» А.Н. Уайтхед постулирует дуализм в природе в форме «событий» и «объектов», рассматривая понятие события как становление и понятие объекта¹⁰. Он утверждает, что «природа есть не что иное, как высвобожденное чувственное сознание» (Whitehead, 1933). Уайтхед определяет данный вид объектов как «чувственные объекты», т.е. «простейшие постоянства, которые мы прослеживаем как тождественные себе во внешних событиях» (Whitehead, 1933). «Природа являет себя нам как становление, любой ограниченный процесс природы, сохраняющий присущую всей природе конкретность, тоже представляет собой становление, именно его я называю событием... Я называю «событием» пространственно-временное происшествие... Событие начинается как следствие, обращенное к прошлому, а заканчивается как причина, обращенная в будущее... (Whitehead, 1920)¹¹.

⁸ Там же.

⁹ См.: Гераклит Эфесский. Все становится и течет, и нет ничего устойчивого. М., 2012. С. 145.

¹⁰ Саенкова Е.С. Указ. соч. С. 106–113.

¹¹ Саенкова Е.С. Указ. соч. С. 109. Мы можем говорить о том, что А. Уайтхед пересматривает онтологические основания современного философского и научного мышления и считает, что с развитием физиологии как науки о человеке и изучении сознания, деятельности мозга человек не противостоит как «субъект» природе, а является частью единой природы и в вопросах познания природы. Эти утверждения философа соответствуют современному уровню развития когнитивной нейробиологии. Отсюда и отношение к перцептивным знаниям человека как истинным (или опытным), ведущим к установлению действительных связей в том или ином событии в отличие от так называемых концептуальных идей. Методология А. Уайтхеда — исследование природы и человека, восприятия, перцепции и истинности наших знаний в единстве — является для нас, безусловно, определяющей. Мы можем говорить о последовательной достижимости истины в любом познавательном процессе,

(Whitehead, 1919). Саенкова Е.С. Указ. соч. С. 107. Разумеется, это замечание в полной мере относится как к правовой деятельности, так и к техническим проблемам, проблемам астрофизики, биологии, нейробиологии, психологии медицины или ко всему, что можно назвать физическим миром, этикой.

⁴ Саенкова Е.С. Указ. соч. С. 107.

⁵ Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 41–47.

⁶ Саенкова Е.С. Указ. соч. С. 107–108.

⁷ Там же. С. 108.

Переходя к вопросу о так называемых «научных объектах», А. Уайтхед связывает формулы вычисления с «вещами в природе», где «научные объекты как раз выступают в роли таких вещей»: «... В конечном счете особенности наблюдаемых физических объектов могут быть выражены в терминах научных объектов. Фактически весь смысл поиска объектов и состоит в том, чтобы найти такое простое выражение в природе событий. Эти научные объекты сами по себе не являются просто формулами вычисления, ибо формулы должны относиться к вещам в природе, и научные объекты как раз выступают в роли таких вещей» (Уайтхед, 1990)¹².

К. Поппер в ряде работ с характерными темами исследования, такими как эволюционная эпистемология и логика социальных наук, где идеи гносеологического эволюционизма выступают как принцип и основной предмет интереса философа¹³, придерживается прямо противоположных с А. Уайтхедом взглядов на методологические истоки философии истины, оспаривает истинность перцептивных знаний и говорит о ценности научных гипотез¹⁴. Но это не умаляет его заслуг в разработке логических и теоретических проблем истины, которые занимают важное место в нашей аргументации¹⁵. К. Поппер указывает, что «Бюлер был первым, кто проанализировал основное различие между низшими функциями и дескриптивной функцией языка»¹⁶, что дало К. Попперу возможность разработать теорию аргументативной и дескриптивной функций языка (высшие функции) и двух низших функций — самовыражения и сигнализации. С нашей точки зрения особенно существенна для человеческой практики и человеческого познания гипотеза логичности (или

включая этику, космос, природу, человеческий организм, социальные отношения, правоприменение и право.

¹² Там же.

¹³ См.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002; Он же. Предположения и опровержения. М., 2004; Он же. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2006.

¹⁴ См. концепцию К. Поппера и возражения на нее: Тарасенко В.Г. Постулаты права: монография. М., 2017. С. 59, 102–115. Мы также считаем, что и Парменид, который утверждал: «У большинства смертных нет ничего в их заблуждающемся (erring) уме, кроме того, что попало туда через их заблуждающиеся органы чувств», и К. Поппер в своей ироничной, если не сказать презрительной, оценке теории познания, построенной на здравом смысле или обыденном сознании, называвший ее «бадейной теорией» сознания, — они оба ошибались (Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 13–14.) См.: Тарасенко В.Г. Правовая категория свободы воли: нейробиологическая практика и объяснение. URL: https://www.e-forensics.ru/publ/discus_law/tarasenko_svoboda_voli/2-1-0-1

¹⁵ В некоторых случаях ситуация в мире науки подчиняется известному рассуждению Дж. Локка о безумце: безумец — «это тот, кто развивает правильно ошибочные постулаты». Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2012. С. 445.

¹⁶ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. С. 121.

же связи), что вместе «с дескриптивной функцией человеческого языка возникает регулятивная идея истины, т.е. описания, соответствующего фактам»¹⁷.

В соответствии с идеями Бюлера, И. Канта, А. Тарского К. Поппером была сформулирована эволюционная теория истины, которая может приниматься в расчет прежде всего социологами, юристами, философами, так как именно в этих областях человеческой деятельности время от времени по случайности всплывают «научные» дискуссии, в ходе которых обсуждаются вопросы, нужна ли в моральных науках истина или либертарианские идеи о недостижимости истины, неопределенности и пределах человеческого разума, религиозные или постмодернистские теории «текста» и тому подобное.

Особо отрицательную роль эти взгляды играют в области теории права, правоприменения, законодательства, где требование истины устраняется из процессуального законодательства хирургическим — если не сказать топорным — путем в ущерб социальной справедливости, правопорядку, законности¹⁸. Мы полагаем, что требования регулятивной идеи истины, как и регулятивной идеи справедливости

¹⁷ Там же. К. Поппер далее указывает: «Наряду с использованием языка в дескриптивных целях его использование для аргументации привело к эволюционному развитию идеальных стандартов регулирования или «регулятивных идей» (если воспользоваться термином Канта), причем главной регулятивной идеей дескриптивной функции языка стала истинность (в отличие от ложности)». С. 229. Однако все не так просто, как может показаться. Уникальный язык человека характеризуется тем, что словарный запас (лексикон) человека является огромным, мы пользуемся так называемыми служебными словами, которые существуют только в контексте языка, мы можем говорить о вещах, событиях в прошлом, будущем или гипотетическом настоящем, мы пользуемся метафорами и сравнениями (это пограничная зона между мозгом и языком), мы используем гибкий рекурсивный синтаксис. Первые четыре аспекта языка рассматриваются как протоязык, на базе которого возник современный. См.: Рамачандран В. Мозг рассказывает. М., 2011. С. 191–195. Следует также помнить о лексике, морфологии, фразеологии, орфографии, синонимичности языка, включая и множественность языков.

¹⁸ Основная (но не единственная) заслуга К. Поппера в области исследования проблем эпистемологии и истины заключается, по нашему мнению, в глубоком анализе содержания научных знаний, в выработке общих этических критериев науки, которые необходимы при оценке той или иной теории. Основываясь на указанных работах философа, следует подчеркнуть, что проблема регулятивного свойства истины в переформулированном К. Поппером виде приобрела современный характер и завершённую этическую направленность. Разумеется, мы не отказываемся от критики гносеологических, философских и естественно-научных идей К. Поппера в работах, на которые ранее были сделаны ссылки. Современное развитие нейробиологии подтверждает ошибочность части взглядов К. Поппера, как только мы начинаем рассматривать его утверждения с естественнонаучных (нейробиологических) позиций — это с одной стороны. С другой же — философия А. Уайтхеда находит подтверждение своей правоты в нейробиологической практике и нейробиологических исследованиях. Возможность роста и фальсификации человеческих знаний — это идеи, которые защищает К. Поппер, в данном случае, очевидно, значимы и для нас.

ности, мы должны распространить без каких-либо исключений и оговорок на правоприменение и процессуальную деятельность, философию и теорию права, правотворчество, правовые доктрины и юридическую практику в самом широком смысле¹⁹.

Вопросы истины в юридических дисциплинах

Развитие права невозможно представить в отрыве от достижений в области фундаментальных и моральных наук, наверное, на протяжении всей истории человеческой цивилизации и человеческой культуры. На таких гносеологических предпосылках и основаниях юридической наукой и практикой были выработаны оправдавшие себя факультативные принципы и требования к правовой деятельности — к правосудию и к правовой доктрине: это требования социальной справедливости права, достижение при разбирательстве дел истины, требования законности, правопорядка как целей юридической деятельности. Как показывает рациональный опыт, установление всех обстоятельств совершения правонарушения и контроль за розыском, следствием, обвинением стали возможными тогда, когда правовая деятельность соединила в себе два элемента или начала судебного процесса — розыск (следствие) и состязательность²⁰.

Классические признаки состязательного суда — его содержательной части — в середине прошлого

века описаны в российской науке Н.Н. Полянским, который считал, что «состязательность... не исчерпывается состязанием сторон» и «...должна быть определена как метод отыскания истины в уголовном деле, состоящий в состязании сторон, контролируемом и восполняемом активным участием суда в разбирательстве дела»²¹. Признаками состязательности советского уголовного процесса являются, по мнению Н.Н. Полянского, отделение функции обвинения и защиты от собственно судейской деятельности; состязание сторон; процессуальное равноправие сторон как гарантия самой возможности состязания сторон; право обвиняемого иметь защитника, без чего процессуальное равноправие сторон, при участии в деле государственного обвинителя или адвоката, поддерживающего интересы частного обвинителя, представляется нереальным; восполнение состязания сторон активной деятельностью судьи или суда, служащей цели установления объективной истины в уголовном деле, деятельностью, направляющей состязание сторон к указанной цели и восполняющей упущения, которые, с точки зрения наиболее верного достижения этой цели, могут быть сделаны сторонами²².

Из истории обсуждаемых здесь проблем состязательности и следствия известно, что, например, Франция с идеей прямой замены розыскного процесса состязательным столкнулась не как Россия в XXI в., а в XVIII — начале XIX вв. Задачи, «разделенные» двумя культурными веками, были одинаковыми, тогда как средства их решения оказались разными из-за поразительного невежества современного законодателя, пренебрежения собственным и чужим опытом идеологами реформ, научными специалистами, руководителями адвокатуры и судебной системы страны²³. Другими словами, всеми теми, кто внезапно утратил юридическую память и фундаментальные традиции права ради абсолютизации состязатель-

¹⁹ Надо заметить, что и в философии природы (Френсис Крик), философии математики (М. Клайн), философии лингвистики (Л. Виттгенштейн) и собственно философии (К. Поппер) известны попытки «замещения» эксперимента и опыта концептуальными идеями или абстрактными гипотезами и понятиями. К пользе для науки в настоящее время значение экспериментального исследования и наблюдения резко возросло в связи с исчерпанием значительного запаса существующих и повторяющихся концептуальных идей.

²⁰ И. Планк в 1857 г. пришел к выводу, что главной чертой состязательности является пассивность суда, а розыскное начало связал с собираньем судом доказательств для постановления приговора. См.: Зажицкий В.И. Истина и средства ее доказывания в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74; Печегин Д.А. Состязательная и розыскная модели судопроизводства в международном уголовном суде. М., 2017. С. 20. Кстати сказать, несмотря на уверения отдельных процессуалистов о «чисто» состязательном характере современного российского процесса, УПК РФ, на наш взгляд, построен на двух началах — негарантированной для защиты состязательности и гарантированном (на власти суда) следствии. В ст. 86 УПК РФ предусмотрено, что собиранье доказательств производится, в частности, «...судом путем производства следственных и иных процессуальных действий». Важнейший принцип состязательного уголовного судопроизводства — «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения и защиты» (ч. 3 ст. 15 УПК РФ) — опровергается судебной практикой и отсутствием правовых гарантий соблюдения этой процессуальной нормы в виде правовой санкции за ее нарушение. Следует заметить, что все уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации построено на таком шатком основании — отсутствии санкций за нарушение процессуальных норм. См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Право. М., 2018. Т. 3. С. 20–21.

²¹ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 100.

²² Там же. С. 103. Фактическое и юридическое равноправие (равенство) между системой МВД РФ, системой Генпрокуратуры РФ, системой ФСБ РФ, с одной стороны, и адвокатом (защитником), с другой, принципиально невозможно, если суд не уравнивает (не восполнит) судебный процесс активными действиями суда. Без указания в законе на задачу установления судом истины как социальной и правовой цели и одновременно как средства для постановления справедливого решения в судебном процессе, состязательность и «равноправие» утрачивают этические принципы и юридический смысл.

²³ Розин Н.Н. в 1916 г. относительно к Франции пишет: «Юридический консерватизм... опасения за слабость государственной власти в борьбе с преступлением, недостаточно полное признание прав личности... все это повлекло в результате не замену розыскных форм состязательными, как было предположено, а их соединение...». Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1916. С. 39. Цит. по: Печегин Д.А. Указ. соч. С. 20. См. также: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 8, 295.

ности, разрушения идеи справедливости, отказа от сбора и исследования всех доказательств по делу в целях установления истины, что породило «защищенную» таким процессуальным законом коррупцию, преувеличение значения юридической фикции «равноправия» сторон перед судом и нескончаемый список неправосудных приговоров.

Судебная доктрина и законодательство США в последнее время, по мнению ученых и практиков, развивается путем сближения с континентальной уголовно-процессуальной системой. «Уголовно-процессуальная система Соединенных Штатов имеет черты как состязательной, так и обвинительной систем судопроизводства... Принципы обвинительного процесса отнюдь не тождественны принципам состязательного процесса, однако они взаимно дополняют друг друга»²⁴.

В России, что хорошо известно, розыскные и состязательные правила исторически прослеживаются с судебных 1497 и 1550 гг. В Соборном Уложении 1649 г. розыскная форма процесса (сыска) детально регламентируется. Розыскной уголовный процесс в России продолжает развитие при Петре I в Кратком изображении процессов 1716 г., приложенным к Воинскому уставу, которым «...введен подлинный розыскной процесс со всеми его типичными чертами». Розыскной тип процесса закреплен и в Своде законов Российской империи 1832 г., и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Мы вынуждены напомнить читателю, что сама надуманная проблема — «или состязательность, или розыск, следствие» — оказалась новой лишь для российских «энциклопедистов», которые к тому же или не знали, или не заметили, что эта дискуссия в правовой практике России и других стран никак не затрагивала наиболее важного вопроса права — вопроса об истине. Эта *лишенная смысла дискуссия*, которой увлеклись «новаторы права», позволила им вместе со своими мутными и поверхностными рассуждениями о противоречиях между следствием, состязательностью и истиной выплеснуть фундаментальную идею истины из науки и практики, заметим, что все это происходит в XXI в.

Но, например, ст. 613 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. было предписано: «Председатель Суда направляет ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины»²⁵. Известные русские процессуалисты ис-

тину называли по-разному (объективной, материальной, юридической, нравственной, практической), но никто не отрицал ее значения и необходимости установления в уголовном судопроизводстве. Существенно, хотя сегодня теоретически и спорно, что в истории правовой науки истину, устанавливаемую в уголовном судопроизводстве, преимущественно называли объективной или материальной истиной и противопоставляли ее пониманию истины в гражданском процессе. Последнюю именовали относительной, формальной истиной, поскольку она основывается «только» на доказательствах, приводимых сторонами²⁶.

Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г., как хорошо известно, предусматривает установление истины как нормативное требование применительно к деятельности как следственного судьи, так и председателя суда. Согласно ч. 1 ст. 81 французского УПК «следственный судья производит в соответствии с законом все следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины». Процессуальные полномочия председателя суда также связаны с необходимостью установления истины в судебном разбирательстве. Например, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 310 УПК Франции «председатель наделен дискреционными полномочиями, в силу которых он может по совести и чести принимать любые меры, которые он сочтет полезными для установления истины. Он вправе в ходе разбирательства вызывать

²⁴ На наш взгляд, с развитием публичности и усложнением гражданского процесса задачи правовой деятельности (установление существа дела (*ratio rekta*) и общественно целесообразного и необходимого — Луи Молина) требуют унификации судопроизводства в связи с общими задачами, принципами, целями действующего права. С нашей точки зрения, при предоставлении сторонами в гражданском процессе доказательств и приведении аргументов тяжущихся в состязательном процессе также не вправе удаляться от истины, а должны приближаться к ее границам, так как доказательства опираются на нормы гражданско-процессуального закона о качестве доказательств. Имеет значение и то, что ответственность в гражданском судопроизводстве не исчерпывается мерами, предусмотренными только ГПК РФ, и охватывает все виды ответственности, реализующиеся в связи с осуществлением правосудия по гражданскому делу: уголовную (составы преступлений, предусмотренные гл. 31 УК РФ), административную (например, ст. 17.3, 17.4 КоАП РФ, ст. 159, 226 ГПК РФ), дисциплинарную ответственность судей, адвокатов и прокуроров, гражданско-правовую ответственность (ст. 1070 ГК РФ, ст. 99 ГПК РФ). Установлена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 ГПК РФ), также суду предоставлены широкие права ст. 226 ГПК РФ. Все это свидетельствует о важности единства правовой ткани. Следует сказать, что, к примеру, американское право не делает никаких различий между уголовным и гражданским иском, уголовным и гражданским судопроизводством, хотя указывается на ряд особенностей, которые не влияют на общую методологию и доктрину права: правовые принципы остаются едиными и взаимосвязанными, лишены противоречий внутри кодификаций, прецедентов и доктринальных идей, что упрощает на наш взгляд, общее правописание и правоприменение.

²⁴ См.: Бернан У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. М., 2007. С. 449.

²⁵ Следуя таким правовым традициям, в ст. 243 УПК РСФСР 1960 г. законодатель указал: «Председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, устраняя из судебного разбирательства все, не имеющее отношения к делу, и обеспечивая воспитательное воздействие судебного процесса».

и заслушивать любое лицо, выдавая в случае необходимости мандат о приводе, или распорядиться о представлении в суд любых новых вещественных доказательств, которые, по его мнению, в связи с развитием судебного разбирательства полезны для установления истины»²⁷.

Частью 2 ст. 244 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ предусматривается: «Суд обязан в целях установления истины по долгу службы исследовать все факты и доказательства, которые имеют значение для разрешения дела».

В законах и других правовых актах современной Америки также используется термин «истина», к судам предъявляется требование ее установления при производстве по уголовным делам. Истина как цель доказывания или цель уголовного судопроизводства упоминается в законодательстве ряда штатов и в правилах, издаваемых судами²⁸. Учитывая возмож-

ность обжалования и пересмотра приговоров спустя десять и тридцать лет и оправдание в судебном порядке невиновного (для России это неслыханное и невозможное для гражданина процессуальное право и не существующая для правоохранительных органов практика), можно утверждать, что поиски истины в развитых судебных и правовых системах продолжаются вне зависимости от истечения любых сроков и любых надуманных процессуальных ограничений, которыми заполнен Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации²⁹.

Не влияет, к сожалению, на судебную практику российских судов и правоохранительных органов Российской Федерации принципиальная позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 9-П указывается, что ст. 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную

²⁷ Весьма показательными являются требования ст. 80 УПК Франции: «Следственный судья может производить следствие только на основании требования прокурора Республики... Следственный судья имеет право предъявить любому лицу обвинение в совершении в качестве исполнителя или соучастника деяний, дела о которых он ведет...». УПК Франции 1808 г. установил смешанную форму уголовного процесса (следственно-обвинительную, состязательно-розыскную), где председателю суда принадлежит неограниченная дискреционная власть «принимать все меры, необходимые для открытия истины по делу» (он обязан употребить все имеющиеся в его распоряжении дозволенные законом средства для полного разъяснения дела, суд должен установить действительно существующее).

²⁸ Мы не имеем цели в статье изложить всю глубину и все проблемы связи процесса и доказательств истины, но на примере, скажем, той же «состязательной Америки» нам известны правила, что на обвинении лежит обязанность доказать каждый элемент состава преступления, вменяемого обвиняемому, вне всякого разумного сомнения; также принята в американской системе правосудия практика многократной перепроверки с привлечением «институтов гражданского общества» действий полиции, прокуратуры при сохранении независимости полицейского расследования, участие «институтов гражданского общества» в контроле расследования путем создания Следственных Больших жюри, существует также самостоятельное усмотрение обвинительной власти (прокуратуры) и такой же многократный судебный контроль по заявленному обвинению по делу, где суд проверяет доказательства с точки зрения их достаточности для рассмотрения дела в суде, после чего применяется судебная процедура, именуемая первой явкой в суд, по делам о так называемых фелониях применяется проверка судами собранных доказательств судьей, судьей-магистратом по итогам предварительного слушания или Большим жюри. Обвинительное заключение Большого жюри рассматривает только доказательства обвинения с точки зрения их достаточности. Следующая стадия — это распорядительное заседание суда с предъявлением обвинения, где обвиняемый может заявить о признании или непризнании вины. В процедуре досудебного рассмотрения ходатайств обвинение должно предъявить обвиняемому все имеющиеся у него в распоряжении оправдательные доказательства. Рассмотрение дел судом присяжных по существу начинается с представления сторонами доказательств и свидетелей, сюда относятся экспонируемые доказательства: вещественные (оружие, одежда), наглядные (план-чертеж квартиры) и письменные. Критерием доказанности в напутственном слове судьи присяжным называется та же

доказанность вины вне всякого разумного сомнения. Также предусмотрена практика повторного ознакомления с доказательствами, напутственным словом, с вещественными доказательствами, существует практика проверки результатов голосования по требованию адвокатов путем опроса присяжных, когда каждый из присяжных должен ответить на вопрос суда: «Его ли это вердикт?». См.: Бернан У. Указ. соч. С. 451–459, 181–217. Как видим, состязательная процедура Америки даже отдаленно не напоминает российскую. И она широко совмещает в себе как розыск (следствие) в целях установления истины, так и судебный и «гражданский контроль» за следствием и судами. Другими словами, сочетание розыска (следствия) и состязательности, по нашему мнению, не повлияло на фундаментальное правовое и этическое требование установления истины как во французском, так и в немецком, английском, российском, американском, швейцарском, итальянском праве.

²⁹ К примеру, ст. 6 УПК РФ — назначение уголовного судопроизводства, где от органов правосудия требуется как защита прав и законных интересов потерпевших, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, так и отказ от уголовного преследования невиновных, при этом каких-либо процессуальных сроков для реабилитации не установлено. Следовательно, УПК РФ обязывает прокуратуру, следствие продолжать поиск доказательств виновности-невиновности того или иного лица вне зависимости от сроков или ссылок на текущие задачи по жалобам, ходатайствам лиц, добивающихся правосудия и пересмотра дел. Также ст. 73–74, 85–88, 296, 299, 306, 307 УПК РФ прямо и косвенно требуют рассмотрения доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности-достаточности для разрешения уголовного дела. УПК РФ недвусмысленно подразумевает в целях постановления правосудного приговора полное установление всех обстоятельств правового события, т.е. установление истины по делу. Это правило по мере движения дела в уголовном процессе Российской Федерации процессуально ослабевает и теряет качества полноты всесторонности и объективности.

связь доказательств в их совокупности; каждое доказательство подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами; никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы».

В Определении от 23 января 2001 г. № 21-О Конституционного Суда Российской Федерации в п. 2. указывается, что «осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличия у него права в рамках предъявленного подсудимому обвинения истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводов, оценивать значение тех или иных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела и принимать на основе такой оценки соответствующие решения, в том числе в порядке ч. 4 ст. 276 УПК РСФСР. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость суда при отправлении правосудия»³⁰.

Суды Российской Федерации, если говорить прямо, достаточно часто игнорируют при осуществлении судебной деятельности указания Конституционного Суда Российской Федерации по соблюдению процессуального баланса между следствием и состязательностью в целях установления истины и в целях постановки справедливого судебного решения. Как уже указывалось, в российском праве отсутствуют также гарантии соблюдения правовых норм в виде санкций за их нарушение.

Подводя итоги сказанному надо признать, что судопроизводство в целом (уголовный и гражданский, административный, арбитражный процессы, а также розыск, следствие и обвинение) с культурными и национальными оговорками и особенностями являлось и является объединением этих двух основ процессуальной деятельности независимо от того, к какой правовой системе оно принадлежит³¹. И романо-германская, и англо-саксонская судебные процедуры в настоящее время содержат в себе как розыскные, так и состязательные начала, которые применяются, это нужно еще раз повторить именно в целях отыскания истины³². Это первое.

³⁰ Нас не должно смущать, что в Определении от 23 января 2001 г. № 21-О Конституционного Суда Российской Федерации речь идет о нормах УПК РСФСР 1960 г., так как мы имеем дело с принципами права, которые пока никем не опровергнуты, если не принимать в расчет позицию наших законодателей, теоретиков права и политиков...

³¹ Производство по уголовным делам во Франции, Германии, Италии, России относится к романо-германскому процессу примерно с XIII по XVIII столетие. По нашему мнению, даже средневековый судебный процесс носил и обвинительный, и состязательный характер.

³² Здесь следует еще раз отметить, что в чистом виде розыскной (инквизиционный, следственный) тип, как и со-

вторым важным и даже решающим условием современного прогресса права и правопонимания являлось развитие фундаментальной физики, математики, химии, биологии, медицины, социологии, нейробиологии и других наук³³. Достижения в этих областях человеческой деятельности позволили сформироваться особой области знания — научной криминалистике³⁴.

Словесный портрет (бертильонаж), дактилоскопия, судебная токсикология и судебная фотография, серология, графология, судебная баллистика, трасология, спектральный анализ, геномные экспертизы, судебная медицина, судебно-психиатрические экспертизы, полиграф, судебно-технические, автотранспортные экспертизы, наконец, цифровая криминалистика и судебная нейробиология — все эти области прикладной науки объединяет судебная криминалистика³⁵. Эта связь права с фундаменталь-

ствязательный тип процесса, не существует, как и любая абстрактная модель. См.: Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 7, 8. Обосновывая состязательность, Н.Н. Полянский указывал, что разделение функций между участниками и состязание сторон само по себе позволяет утверждать, что в той или иной стадии процесса проводится состязательное начало. При последовательном разграничении понятия деятельности и функций, которые являются не деятельностью, а соотношением между видами деятельности, которое делает функционирование целесообразным, можно считать аргументы Н.Н. Полянского вполне убедительными.

³³ Лавуазье, Берцелиус, Либих, Жолио-Кюри, Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.Н. Зинин, профессор Медико-хирургической академии С.А. Громов (1774–1856), Н.И. Пирогов, Ф.Я. Чистович, М.С. Цвет, Гельмгольц — это лишь небольшой перечень имен выдающихся ученых, открытия которых нашли свое применение в криминалистике.

³⁴ В книге Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898) автор относит криминалистику к прикладной науке: он указывает, что положения уголовного права будут лишены всякого значения, если они не могут быть применены к реальностям текущей жизни. Поэтому криминалистика — наука о реальности криминального права. С развитием науки — показания свидетелей, обвиняемых — будут утрачивать свое уголовно-процессуальное значение исключительно на возможности научного эксперимента и наблюдения в деле установления истины. Последний прогноз Г. Гросса сегодня выглядит неочевидным. Полиграф и нейроэкспертизы — первые, но не заключительные виды экспертных исследований в этой области.

³⁵ В последние годы возможности криминалистической техники значительно возросли благодаря внедрению достижений физики, физической химии, химической физики, аналитической химии, развитию методов этих наук применительно к задачам судебной экспертизы. Судебные эксперты всех специальностей: физики, химики, биологи, почерковеды, автотехники, медики и другие используют новые данные фундаментальных наук. При криминалистической оценке экспертных результатов формируется источник розыскной и доказательственной информации, что способствует установлению истины в процессе предварительного следствия и последующего судопроизводства. Исследование химического состава (постоянство или изменение, сходство или различие) позволяет, например, получить достоверные доказательства события и доказательственную информацию о его участниках.

ной и прикладной наукой сегодня также сознательно замалчивается сторонниками «чистой состязательности», так как борьба идей, школ, теорий в судебной криминалистике опиралась и опирается на естественно-научные методы, на требование соответствия экспериментальных выводов фактическим условиям — данным органов чувств, перцептивным знаниям, или, другими словами, на научный поиск практической истины.

Экспертные криминалистические исследования направлены на доказывание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 73 УПК РФ). Доказывание включает в себя вопросы: что *подлежит доказыванию* (ст. 73 УПК РФ); с помощью каких средств *осуществляется доказывание* (ст. 74, 76–84 УПК РФ) и как *осуществляется процесс доказывания* (ст. 85–90 УПК РФ). При характеристике доказывания нельзя обойти вопрос о *цели доказывания*. В соответствии с научной теорией познания в уголовном судопроизводстве такой целью является достижение истины. И розыскная, и состязательная процедуры являются не целью формально-правового действия, а средством для установления истины в судебном процессе³⁶.

Разумеется, мы ведем речь о процессуальном законодательстве, а не о российской следственной и экспертной практике, где эти требования нарушаются и следствием, и экспертами, и судами всех инстанций, и адвокатами, при удобном для них случае. На периферии практически не применяется судебная фотография по «делам с заинтересованностью», повсеместно невозможно защите (из-за неразвитости институтов самостоятельных экспертных учреждений или административной зависимости) провести повторную, дополнительную или комплексную экспертизу.

Например, в практике Самарского областного суда (уголовное дело В. Назарова, судья Кондаков) была принята как доказательство судебно-медицинская экспертиза, в которой в описательной части на основании показаний одного из осужденных о том, что жертву (малолетнего ребенка) топили в ванной, что он под водой задыхался, захлебывался, наконец, был утоплен, в исследовательской части указывалось, что в легких, трахеях, желудке воды нет. На вопрос защиты, возможно ли это при указании эксперта, что ребенок был утоплен в ванной, эксперт подтвердил, что «это возможно». Попытки найти специалиста или провести дополнительную или повторную экспертизу следствием и судом были отвергнуты. Кстати, при осмотре трупа одежда на ребенке была сухой, как и сам ребенок. При осмотре места происшествия следов воды в квартире, где «погиб» ребенок, также обнаружено не было.

Верховный Суд Российской Федерации посчитал, что выводы эксперта соответствуют фактическим обстоятельствам, хотя в судебно-медицинской экспертизе было указано и на прижизненную черепно-мозговую травму у ребенка, а несколько очевидцев в суде и на следствии дали показания относительно лица, которое и совершило преступление. Невинный Назаров В. был осужден на восемнадцать лет лишения свободы и отбывает наказание. Имеются и другие подобные примеры.

Несмотря на явные огрехи практики и законодательства и проблему, которую можно условно назвать «человеческим фактором», очевидно, что развитие судебных экспертных исследований на базе достижений фундаментальных наук дают в руки следствия, суда и общества более зрелые средства доказывания, например, полиграф или такую важнейшую технологическую систему, как IT-технологии.

Практические проблемы установления истины в уголовном процессе Российской Федерации

Глава 2 УПК РФ — принципы уголовного судопроизводства (ст. 6–19 УПК РФ) — на базе конституционных норм, казалось бы, предусматривает защиту прав и законных интересов потерпевших, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, указывает на справедливый характер наказания (этический компонент в деятельности правоохранительных органов), на разумность сроков уголовного судопроизводства, законность, на презумпцию невиновности, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, свободу оценки доказательств, право на обжалование процессуальных действий и решений. Но, как ранее указывалось, в отличие от ст. 20 и 243 УПК РСФСР 1960 г. требование истины больше не является фундаментальным для российского законодателя, правоохранительных органов, правоприменения в целом, чем нейтрализуется действие указанных принципов уголовного судопроизводства, ликвидируются гарантии их соблюдения, что самым негативным образом отражается на поведении законодателей, судей, прокуроров, следователей, адвокатов, экспертов сторон и свидетелей в гражданском процессе, участников уголовного процесса, включая свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Это также бросает тень и на правовую науку, где лица, претендующие на научные степени, в своих «научных» трудах утверждают, что право не наука вообще. Также, напомним, отсутствуют в законе правовые гарантии соблюдения норм гл. 2 УПК РФ в виде уголовно-правовых санкций за их нарушение, на что неоднократно указывалось выше. Можно утверждать, что за последние 17 лет российское

³⁶ Зажицкий В.И. Истина и средства ее доказывания в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.

правосудие и общество утратило понятные критерии морали и становится все более аморальным и циничным, в том числе и в правовом смысле.

Исключительное значение и даже «популярность» в юридической среде ст. 15 УПК РФ в действующем процессуальном кодексе заставляет нас рассмотреть принцип состязательности в совокупности с другими статьями и нормами УПК РФ (например, ст. 86 УПК РФ), чтобы показать границы его реализации или неоправданное ограничение обсуждаемого требования в законе³⁷.

Прежде всего в очередной раз подчеркнем, что состязательность должна реализовываться не в ущерб требованию истины в процессе. В практическом плане мы должны предвидеть, что судья, суд зачастую должны принимать решения на основании неполной, скрываемой или искаженной информации. В этом искажении событий участвуют в различной мере все стороны процесса: истцы, ответчики, третьи лица, свидетели в гражданском процессе, и от потерпевшего до следователя и адвоката, свидетеля, специалиста, эксперта — в уголовном. И хорошо, если суд сохраняет при разбирательстве незаинтересованность и непредвзятость.

Какие решения в системе состязательного правосудия могут считаться соответствующими истине? Надо оставить без внимания термины «объективная истина» (научное знание с некоторыми оговорками) или «субъективная истина» (т.е., чье-то мнение). В точном значении познавательная деятельность — это деятельность человека — субъекта, которая может приводить как к истине, так и к заблуждению. Более того, при установлении истины, например научного плана, мы не всегда в состоянии ее распознать. Надо полагать, что характеристика истины как «объективной» в судебной деятельности избыточна, как и множество так называемых «субъективных» истин. В судебном процессе мы можем говорить, что истина — это соответствие наших высказываний фактам. Но эти наши высказывания должны быть оформлены в виде предусмотренных процессуальных документов: актов экспертиз, постановлений, протоколов, судебных решений и т.п. К сожалению, в российском правосудии нет развернутой доктрины *правил доказывания*. Поэтому многие постановления о привлечении в качестве обвиняемого носят

исключительно литературный характер, характер детектива, где нет доказательств.

Я думаю, что в практических целях правосудия необходимо ограничиться задачами (процессуальными истинами), предусмотренными УПК РФ. Например, ст. 24 УПК РФ предусмотрено, при каких обстоятельствах дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению. Наиболее показательным будут, на наш взгляд, истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а также ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ. Во всех приведенных примерах мы для упрощения проблемы исходим из безусловной полноты и доказанности события и состава преступления процессуальными средствами доказывания. Но и в этом случае, как указывает процессуальный закон, такие дела подлежат прекращению, т.е. прекращается уголовное преследование.

Исходя из этого считаю, что мы достигаем юридической цели и принимаем процессуально истинное решение, например, при истечении сроков давности уголовного преследования. Этот пример показывает, что имеются разновидности процессуальных истин, которые нами устанавливаются и фиксируются в судебных и следственных актах. Эти решения в практическом плане мы называем *текущими* истинами, которые при определенных обстоятельствах будут являться конечными истинами. Также достижимым результатом является установление доказательств виновности или невиновности в случае отрицания (признания) лицом вины, выдвижение алиби и т.п. Здесь проблема доказанности тех или иных обстоятельств связывается нами с соблюдением процессуальных требований по сбору доказательств (гл. 10–11 УПК РФ). Возникает вопрос, можно ли полагаться на деятельность органов дознания ОРД, следствия, экспертов, прокуратуры специалистов при установлении фактических обстоятельств и их правильной процессуальной фиксации? Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрена как следственная, так и состязательная форма собирания и оценки доказательств, которая является, безусловно, необходимой, с одной стороны, а с другой — неполной или даже декларативно-декоративной.

В ч. 1 ст. 15 УПК РФ предусмотрено, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, что противоречит, как указывалось ранее, фактическому положению сторон в процессе. Сторонами в уголовном процессе являются участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ) и участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ). На стороне обвинения находится прокурор (вышестоящие прокуроры) с широким кругом полномочий от имени государства по осуществлению уголовного преследования и над-

³⁷ Центральное место среди принципов уголовного судопроизводства — ст. 6–13, 14, 16, 17, 19, УПК РФ (гл. 2 УПК РФ) занимает изложенный в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности сторон. Части 1–4 ст. 15 УПК РФ имеют методологический характер для российского судопроизводства в целом, а также, полагаем, должны иметь предельно широкий радиус действия; так или иначе присутствие состязательности должно обнаруживаться и нормативно представляться практически во всех других статьях УПК РФ, учитывая, что состязательностью не устраняется, а дополняется судебное следствие и не устраняется требование установления истины.

зору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ст. 37 УПК РФ), следователь, руководитель следственного органа ст. 38, 39 УПК РФ), органы дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель (ст. 40, 40.1, 41 УПК РФ), потерпевший и частный обвинитель, гражданский истец, представители гражданского истца и частного обвинителя (ст. 42–45 УПК РФ). Сюда же надо, на наш взгляд, включить должностных лиц органов, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью (ст. 89 УПК РФ), а также (по функциональному признаку и принадлежности) ведомственные и другие экспертные учреждения, которые обязаны на основании соответствующих постановлений следственных органов о назначении судебных экспертиз проводить различные экспертные исследования, которые одновременно не обязаны по самостоятельному требованию защиты проводить аналогичные экспертные исследования.

Со стороны защиты выступает одно лицо — подозреваемый, он же — обвиняемый, а в случае несовершеннолетия этого лица — также законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 46–48 УПК РФ), защитник (ст. 49 УПК РФ), гражданский ответчик и его представители (ст. 54, 55 УПК РФ). В настоящее время могут также на стороне защиты появиться специалист, эксперт в уголовном процессе, участие которых всеми средствами затрудняется судами в нарушение ст. 15 УПК РФ.

В соответствии с п. 2, ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе собирать и предоставлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ, привлекать специалиста (ст. 58 УПК РФ), в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ знакомиться по окончании предварительного следствия со всеми материалами уголовного дела... снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; в соответствии с п. 8, 10 ч. 1 указанной нормы заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда.

Пункт 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ противоречит требованиям п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, где право обвиняемого снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе и с помощью технических средств, не ставится в зависимость от окончания предварительного расследования (см. самостоятельный п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Мы обращаем внимание на это в связи с невозможностью в провозглашенном УПК РФ состязательном процессе реализовать право на проведение экспертного исследования («первоначального» дополнительного, повторного, комиссионного, комплексного) без «обвинительной санкции» следователя или провести самостоятельное назначение экспертного исследования в уведомительном

порядке. Статьей 87 УПК РФ защитник исключен из числа процессуальных субъектов, которые могут осуществлять проверку доказательств путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Таким образом, состязательность как провозглашенный правовой принцип и механизм предварительного расследования применительно к важнейшему процессуальному доказательственному аспекту не осуществим и представляет собой правовую фикцию, скатываясь к розыску, следствию. Разумеется, практика известно, что ходатайства защиты по окончании предварительного следствия о назначении и проведении дополнительных, комплексных или новых самостоятельных экспертиз рассматриваются стороной обвинения (ст. 119–120), и в удовлетворении ходатайств систематически отказывается в «полном объеме», хотя ч. 2 ст. 15 УПК РФ предусматривает следующее принципиальное условие состязательности, что *функции обвинения и защиты отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.*

Частью 1 ст. 125 УПК РФ предусмотрен ограниченный и невнятный перечень решений, которые могут быть предметом судебного обжалования: постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования. При ограничении полномочий суда при применении ст. 125 УПК РФ формальной проверкой процессуальных документов, кстати, в европейской и других системах правосудия такого «усеченного» и бездействующего механизма судебного «контроля» нет вообще.

Учитывая, что от российских судов зачастую требуется не качество и справедливость, не компетентность и научная обоснованность принимаемых решений, а статистическая стабильность, судьи, следователи и прокуратура ответственности за свои незаконные и несправедливые решения не несут. Также известно, что при «квалифицированной» волоките в процессе принятия решений практически любые доказательства и сроки могут быть утрачены.

По нашему мнению, в гл. 2 УПК РФ должны быть не отсылочные нормы по данному вопросу, а конкретные требования, опирающиеся на принципы уголовного

судопроизводства, а именно: «любое действие дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, судьи, суда, направленные на ограничение принципа состязательности, презумпции невиновности, равноправия сторон, установления истины по делу в уголовном процессе рассматривается судами общей юрисдикции и Конституционным Судом Российской Федерации. Нарушение каким-либо органом или должностным лицом принципов уголовного судопроизводства наказуемо».

Если мы также обратим внимание на то, что в УПК РФ также нет норм, которые требовали бы от органов предварительного расследования в императивной форме обязательного удовлетворения обоснованных ходатайств, относящихся к предмету доказывания и доказательствам (ст. 73–75 УПК РФ) или процессуальной ответственности путем введения в ст. 61 УПК РФ в качестве самостоятельного основания для отвода нарушение принципа состязательности, то становится очевидным их декларативный характер³⁸.

Если ч. 1 ст. 86 УПК РФ предусмотрен чрезвычайно широкий круг полномочий дознавателя, следователя, прокурора, суда по производству следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ в интересах обвинения, то в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства исключительно путем получения предметов, документов и иных сведений, путем опроса лица с его согласия и истребования справок и т.п. документов, не имеющих, как правило, какого-либо отношения к предмету доказывания.

Принцип состязательности, если проанализировать нормы УПК РФ, повисает в воздухе, так как за 15 статей в УПК РФ нет ни одной нормы, которая обеспечивала и гарантировала от нарушений соблюдение этого «фундаментального принципа российского права». Поэтому, на наш взгляд, необходимо дополнить ст. 15 УПК РФ следующими частями:

Часть 5 ст. 15. «Требования ст. 15 УПК РФ являются императивными, нарушение правил уголовного судопроизводства, относящихся к состязательности в целях установления истины дознанием, следствием, судом, защитником не допускается и влечет за собой процессуальные последствия в форме отводов, а также препятствует дальнейшему расследованию уголовного дела до устранения нарушений принципа состязательности.

Постановление приговора, иного судебного решения с нарушением гл. 2 УПК РФ является основанием для их пересмотра, при этом не подлежат

применению нормы УПК РФ, ограничивающие сроки и основания подачи жалобы».

Часть 6 ст. 15 УПК РФ. «Процессуальная состязательность направлена на установление фактических обстоятельств дела (установление истины) и обеспечивается самостоятельным предоставлением сторонами обвинения и защиты любых доказательств, отвечающих требованиям ст. 75 и 88 УПК РФ».

Часть 7 ст. 15 УПК РФ. «Нарушение требований ч. 2 ст. 15 УПК РФ дознавателем, следователем, прокурором, судьей, защитником является основанием для заявления и удовлетворения отвода дознавателя, следователя, прокурора, судьи, а также основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении защитника».

Часть 8 ст. 15 УПК РФ. «Нарушение требований ч. 3 ст. 15 УПК РФ прокурором, судьей, защитником является основанием для заявления и удовлетворения отвода прокурора, судьи, а также основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении защитника».

Необходимо дополнить ст. 61 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу» ч. 3 следующего содержания: «Основанием безусловного отвода дознавателя, следователя, прокурора, судьи является нарушение ими требований ст. 15 УПК РФ».

Статья 86. Собираание доказательств изложить в следующей редакции:

Часть 1 «Собираание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Часть 2. «Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять любые доказательства, письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств».

Часть 3. «Защитник самостоятельно собирает доказательства с соблюдением требований ст. 75, 88 УПК РФ путем назначения экспертиз на основании акта о назначении и производстве судебной экспертизы, составления актов осмотров и составления соответствующих измерений, схем, судебной фотографии, протоколов (актов) допросов свидетелей, потерпевших с соблюдением в части процессуального оформления требований ст. 166 УПК РФ».

Часть 4. «Защитник вправе самостоятельно процессуально оформить и истребовать любое доказательство в ходе осмотра, проводимого с согласия лица в отношении имущества, документов которого производится указанное процессуальное действие».

Часть 5. «Защитник также вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов

³⁸ Следует заметить, что формулировки оснований отвода в УПК РФ таковы, что они не позволяют что-либо предпринять, например, против очевидных предвзятых незаконных действий, скажем, судьи.

и иных сведений; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

Часть 6. «Дознаватель, следователь, прокурор, суд не вправе отказать в приобщении (предоставлении) доказательств защитнику, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому в соответствии с ч. 2, 3 ст. 15 УПК РФ».

В ч. 3 ст. 275 УПК РФ «Допрос подсудимого» необходимо внести следующие изменения: «Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами с соблюдением требований ч. 3 ст. 15 УПК РФ, которые ограничивают полномочия суда на основании принципа состязательности задачами установления истины по делу».

В заключение считаем возможным для сравнения привести суждения реформаторов судебного процесса в России XIX в. и реформаторов XXI в.

Первые считали, что без истины правосудие не может быть правым и справедливым. Потому не только применительно к уголовному судопроизводству, но и в судопроизводстве по гражданским делам полагали неизменным правилом: «Суд есть достижение правды, и решение суда будет тогда только справедливо, когда судьи при возникающем сомнении относительно факта могут сами лично или посредством заключения экспертов убедиться в действительности события, к которому они должны приложить закон, и разрешить предмет спора на основании не формальной, но материальной истины»³⁹.

Также в интересах истины и справедливости в российском правосудии был решен в Уставах и вопрос о введении в судопроизводство состязательного начала. «Начало судебного состязания сторон не исключает самостоятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться

одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений»⁴⁰.

Вторые во вступительной статье к УПК РФ 2001 г. пишут: «Новый УПК построен на идеологии верховенства права, безусловного приоритета таких незыблемых общечеловеческих ценностей, как свобода и личная неприкосновенность, независимый, беспристрастный суд, презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон, соразмерность применения мер процессуального принуждения. Это основные конституционные принципы, которые призван реализовать новый УПК. При подготовке нового УПК нами руководило стремление создать такую систему уголовного правосудия, в которой суд с уважением относится к личности и ее правам, потому что только при этом условии в российском обществе может быть воспитано уважение к праву и преданность закону, без которых невозможно становление свободной демократической России. В новом кодексе суд освобождается от функции обвинения. Он не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Его задача — создать сторонам необходимые условия для исполнения ими своих процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Судья больше не будет замещать прокурора, отсутствовавшего в большинстве судебных заседаний. В каждом судебном заседании по делам публичного и частно-публичного обвинения участие прокурора либо дознавателя (следователя) по поручению прокурора становится обязательным. Суд лишается полномочий на возвращение дела на дополнительное расследование. А вместе с ними уйдет в прошлое и практика бесконечного расследования уголовных дел... Существенно меняются роль и процессуальное положение прокурора. Из органа надзора за законностью, в том числе и в деятельности суда, прокурор становится стороной, государственным обвинителем, отвечающим за качественное, обоснованное уголовное преследование и обвинение. По новому кодексу прокурор — своеобразный «адвокат» для потерпевшего, ибо от того, насколько законным и обоснованным будет выдвинутое им обвинение, зависит, будет ли восстановлена справедливость и возмещен ущерб потерпевшему от преступления. В рамках данной работы была создана рабочая группа по реформированию уголовно-процессуального законодательства, в состав которой вошли видные ученые и специалисты, профессора Е.Б. Мизулина, И.Л. Петрухин, судьи Верховного Суда Российской Федерации В.В. Демидов, С.А. Разумов и др.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволил России окончательно

³⁹ См.: Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рас- суждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб., 1866. С. 255.

⁴⁰ Там же. Часть вторая. С. 244.

перевернуть ту страницу своей истории, где господствовала политическая юстиция, и начать новый отсчет истории, где правосудие вершит суд, применяющий закон, равный для всех»⁴¹.

Полагаю, все желающие могут самостоятельно сопоставить практические успехи процессуальной системы Российской Федерации последнего времени с теми поверхностными, если не сказать легкомысленными обещаниями, которые даны во вступительной статье к кодексу. Обращает на себя внимание и отсутствие какого-либо упоминания о цели правосудия — установлении истины даже вопреки плохо продуманной и до настоящего времени нереализованной на практике Концепции судебной реформы 1991 г., где все-таки об истине говорится дважды: во-первых, судебная власть предупреждает о «недопустимости отступления от процессуальных норм, поскольку они отражают в концентрированном и превращенном виде опыт познания абсолютных истин» (это весьма абстрактное, т.е. ненаучное суж-

дение, не имеющее отношения к процессуальному закону, так как здесь речь идет не об истине как цели доказывания по уголовным делам или о полноте следственных и судебных доказательств, преследующей цель установления фактических обстоятельств события в строгих процессуальных формах. — прим. В. Тарасенко). Во-вторых, следующее упоминание об истине достаточно двусмысленно: «суд не только устанавливает, но и очеловечивает истину». Если с первым тезисом с очень большими комментариями можно согласиться, то второй тезис из области лозунгов, которые сложно ввести в процессуальную науку в силу его обыденного философско-идеологического характера.

Думаю, что сравнивая дух права, цели и качество юридической мысли XIX и XXI вв., нас не оставляет ощущение регресса, отсталости и идеологизированности современного законодателя, теоретической мысли и приземленности интересов «творцов» юридических реформ.

И последнее: «Любая цивилизация, достойная так называться, занимается поиском истин» (математик, философ М. Клайн).

⁴¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. Юристъ, 2004. С. 4.

Литература

1. Беркли Д. Сочинения / Д. Беркли. М., 1978.
2. Бернан У. Правовая система Соединенных Штатов Америки / У. Бернан. М., 2007.
3. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Избранное. Образ общества / М. Вебер. М., 1994.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. Право / М. Вебер. М., 2018. Т. 3.
5. Гераклит Эфесский. М., 2012.
6. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. М., 2002.
7. Зажицкий В.И. Истина и средства ее доказывания в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В.И. Зажицкий // Государство и право. 2005. № 6.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.
9. Печегин Д.А. Состязательная и розыскная модели судопроизводства в международном уголовном суде / Д.А. Печегин. М., 2017.
10. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский; под ред. Д.С. Карева. М., 1956.
11. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. М., 2002.
12. Поппер К. Предположения и опровержения / К. Поппер. М., 2004.
13. Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / К. Поппер. М., 2006.
14. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. СПб., 1916.
15. Рамачандран В. Мозг рассказывает / В. Рамачандран. М., 2011.
16. Саенкова Е.С. Философия природы Альфреда Норта Уайтхеда / Е.С. Саенкова // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1.
17. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб., 1866.
18. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866.
19. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н.Н. Талев. М., 2012.
20. Тарасенко В.Г. Постулаты права / В.Г. Тарасенко. М., 2017.
21. Тарасенко В.Г. Правовая категория свободы воли: нейробиологическая практика и объяснение / В.Г. Тарасенко. URL: https://www.eforensics.ru/publ/discus_law/tarasenko_svoboda_voli/2-1-0-1
22. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед. М., 1990.

КАК ДОБИТЬСЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРТИЗ*

БАБАСОВ КАМИЛЬ АБДУЛКЕРИМОВИЧ,

адвокат Адвокатской палаты Республики Дагестан,
Коллегия адвокатов «Юстина»

Необходимы единые методики проведения, автоматизированный выбор экспертов и расширение их прав в процессе.

Регулирование экспертной деятельности в Российской Федерации осуществляется процессуальными кодексами, которые устанавливают порядок назначения экспертиз, и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон об экспертной деятельности), определяющим принципы организации государственной экспертной деятельности в России.

Согласно заложенной в названных актах идее все эксперты, отвечающие конкретным требованиям, равны, и их заключения должны одинаково приниматься судами и органами исполнительной власти по вопросам, требующим специальных познаний. Практика показала, что эксперты связаны волей своего работодателя, и эта воля влияет на экспертные заключения. По сложившейся традиции суды сочили волю работодателя — органа государственной власти — более значимой, и экспертные заключения «государственных» экспертов приобрели большую силу. Со временем в результате отсутствия свободной конкуренции в экспертной сфере «частные» эксперты в угоду заказчику, а «государственные» эксперты — по указанию работодателя — готовы подписываться под любыми заключениями. Борьба с этими объективными явлениями практически невозможно, но и мириться недопустимо.

В связи с этим мне представляется, что развитие экспертной деятельности должно идти путем ограничения субъективности экспертных исследований. На сегодняшний день эксперт остается практически свободен в выборе методик и в своих выводах. Законодатель устанавливает формальные требования к оформлению экспертных заключений (ст. 25 Закона об экспертной деятельности), ответственность за заведомо ложное экспертное заключение (ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ), но совершенно упускает из виду такую важную составляющую, как методическое единство проводимых экспертиз.

Первое направление реформирования — единые методики

В России отсутствует институт разработки и принятия единых методик проведения экспертных исследований. Каждое экспертное учреждение вправе самостоятельно разработать методику и проводить по ней экспертизу. При этом если это экспертное учреждение — Институт криминалистики Центра специальных техники ФСБ России, то экспертные методики становятся информацией ограниченного доступа, ознакомиться с которыми нельзя. И тут — как в старом советском мультфильме про то, как мерили удава: удав был длиной в 4 слона или 38 попугаев.

Задача экспертизы — с помощью применения специальных знаний установить единую для всех истину по поставленным вопросам. При этом результат экспертного исследования должен измеряться общепринятыми методами. В ст. 8 Закона об экспертной деятельности указано на то, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных, но на практике несоблюдение данного принципа никак не влияет на допустимость экспертного заключения как доказательства. Борьба экспертных умов нужна, но при выработке и принятии методики экспертного исследования, которая должна быть принята экспертным сообществом с самым широким обсуждением, а затем утверждена и опубликована. Результат экспертизы в таких условиях вряд ли будет сюрпризом для сторон, и разброс экспертных мнений будет разумным и небольшим в процентном отношении.

Было бы разумно наделить Минюст России правом разработки таких методических документов и на базе его головного экспертного учреждения создать методический совет как площадку для обсуждения и принятия экспертных методик с включением в него самого широкого круга экспертов. Каждая принятая и утвержденная методика должна быть единственным допустимым способом экспертного исследования. Проведение экспертиз по секретным или авторским методикам отдельных институтов будет означать недопустимость такого заключения как доказательства по делу.

* URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-dobitsya-effektivnosti-ekspertiz/>

Второе направление — участие сторон при выборе эксперта

В уголовном процессе выбор эксперта, определение объема исследования, постановка вопросов эксперту — исключительная компетенция следствия и суда. Нормой ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) законодатель предоставил стороне защиты право заявлять следователю (суду) ходатайства о выборе экспертного учреждения, а также о постановке дополнительных вопросов перед экспертом, но с учетом положений ст. 38 и 283 УПК РФ следователь (суд) вправе отказать стороне защиты в данных ходатайствах.

В гражданском и арбитражном процессах выбор эксперта становится самым важным вопросом при назначении судебной экспертизы по делу. Каждая из сторон, представляя суду свою кандидатуру эксперта, предпринимает все возможные усилия для того, чтобы суд выбрал именно их кандидата, потому что, как показывает практика, экспертное заключение в этом случае становится делом техники, а выводы по нему — predetermined для победившей стороны. Привычный для нас всех способ процессуальной борьбы является глубоко порочным по своей сути и не отвечает целям правосудия.

Необходимо вносить изменения в процедуру выбора эксперта, и тут не обойтись без помощи современных технологий и Минюста России, который может разработать и поддерживать информационную базу судебных экспертов. Каждый эксперт, обладающий необходимыми знаниями и желанием осуществлять экспертную деятельность, должен персонально зарегистрироваться в автоматизированной системе, организованной и поддерживаемой Минюстом России, с указанием того, какие конкретно экспертизы он может осуществлять. А система должна методом случайного выбора предоставлять суду эксперта по заданным судом параметрам. Эксперты в этом случае будут нести не просто абстрактные риски уголовного преследования по ст. 307 УК РФ, но вполне реальные репутационные риски, угрожающие потерей надежного и стабильного источника дохода. Дополнительно следует ограничить следователя и оперативных уполномоченных на этапе доследственной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ в возможности самостоятельного выбора эксперта, включив их в число пользователей описанной автоматизированной системы. Очень часто встречаются сделанные «на коленке» в частных компаниях по заказу оперативных сотрудников исследования, которые становятся основанием для возбуждения уголовного дела (для определения величины ущерба, различные строительные, технические экспертизы).

Третье направление — порядок участия сторон при назначении и производстве экспертизы

Современная практика проведения экспертного исследования говорит о том, что эксперт ограничен

объемом представленного следователем (судом) материала и поставленными перед ним вопросами. Эксперт вправе запросить у следователя (суда) необходимую для ответов на поставленные вопросы информацию, в рамках гражданского процесса — ознакомиться с материалами дела, но не более того. Не имея возможности получить необходимые данные или получив некорректные вопросы, эксперты отвечают, что у них нет возможности ответить на поставленный вопрос, или дают вероятностный ответ. Но, назначая экспертное исследование, следствие (суд) и стороны по делу ставят перед экспертом вопросы, чтобы получить профессиональное мнение.

Например, в одном уголовном деле, в котором я выступал защитником, была проведена оценочная судебная экспертиза, где следствием были поставлены перед экспертом вопросы о величине рыночной стоимости похищенного имущества. Сторона защиты просила установить ликвидационную стоимость имущества, но ее вопросы были отклонены. В заключении эксперт, отвечая на поставленный вопрос, вышел за рамки исследования и сообщил следователю, что наиболее правильная стоимость — ликвидационная. Эксперт, разумеется, мог этого не делать, но как специалист он понимал, какой вопрос правильный для данной конкретной ситуации. И такие случаи должны быть не исключением, а нормой. Кроме того, все мы знаем, что следователь, прежде чем назначить экспертизу, советуется с экспертом по составу вопросов, объясняя суть того, что ему нужно. Это, конечно, внепроцессуальное общение, но по смыслу разумное. Таким образом, эксперты не должны быть ограничены рамками вопросов. Наоборот, вопросы эксперту должны носить уточняющий, разъясняющий характер, чтобы получить необходимое профессиональное мнение по действительно интересующим в рамках дела вопросам.

Более того, для проведения всестороннего и объективного экспертного исследования специалиста следует наделять правом неограниченного изучения материалов дела, правом опрашивать в судебном заседании представителей сторон, свидетелей по делу, а в рамках уголовного судопроизводства — вносить изменения в ст. 198 УПК РФ, обязав следователя включать все без исключения вопросы стороны защиты в перечень вопросов, которые ставятся эксперту.

Урегулирование описанных аспектов организации и проведения экспертного исследования исключит риски повторных и дополнительных экспертиз. Если стороны в равной степени участвовали при назначении экспертизы и понимают, по какой методике она проведена, то вероятность того, что они примут результат экспертного исследования как объективный, значительно возрастает, а, значит, это снизит процессуальные издержки, сроки предварительного и судебного следствия.

КРЫМСКИЙ МИНЮСТ ВЫНЕС ПРЕДПИСАНИЕ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ЭМИЛЯ КУРБЕДИНОВА ИЗ СОСТАВА КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ*

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА,

корреспондент «Адвокатской газеты»

Ведомство сослалось на Закон об НКО, запрещающий входить в него лицам, в действиях которых суд установил наличие признаков экстремистской деятельности.

11 января 2019 г. Эмиль Курбединов считает предписание не только прямым вмешательством в адвокатскую деятельность, но и очень опасным прецедентом. Один из его защитников добавил, что таким образом адвоката фактически пытаются лишить адвокатской практики без лишения статуса. Вице-президент Федеральной палаты адвокатов Геннадий Шаров, в свою очередь, напомнил, что адвокатские образования создаются и действуют в соответствии с Законом об адвокатской деятельности, а не Законом об НКО.

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым 18 декабря 2018 г. направило адвокату Адвокатской палаты Республики Крым Эмилю Курбединову и в Крымскую центральную коллегия адвокатов предписание (имеется в распоряжении «АГ») о том, что он не может входить в состав учредителей (членов) коллегии.

При этом Управление сослалось на подп. 4 п. 1.2 ст. 15 Закона о некоммерческих организациях: лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержится признаки экстремистской деятельности, не может быть членом (учредителем) некоммерческой организации.

Как указано в документе, «руководствуясь положениями п. 5 ч. 5 ст. 32 Закона № 7-ФЗ и ст. 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Управление выносит Организации предупреждение и обязывает устранить нарушения действующего законодательства, указанные в настоящем предупреждении». В соответствии с предписанием указанные нарушения должны быть устранены до 1 марта.

История вопроса

Как ранее писала «АГ», Киевский районный суд г. Симферополя Республики Крым Постановлением от 7 декабря 2018 г. признал Курбединова виновным

в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.3 Кодекса об административной ответственности Российской Федерации (далее — КоАП РФ) с назначением наказания в виде пяти суток административного ареста.

Постановление было мотивировано тем, что адвокат на своей странице в социальной сети Facebook публично демонстрировал символику, которая, согласно заключению специалиста Института стран СНГ в Республике Крым А. Никифорова, является атрибутикой и символикой террористической организации «Партия исламского освобождения», пропаганда и публичная демонстрация которых в России запрещены законом. Также отмечалось, что спорные изображения были доступны для просмотра неограниченному кругу лиц до момента обнаружения, т.е. до 6 декабря. Таким образом, адвокат нарушил требования Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Эмиль Курбединов и его защитники, не согласившись с решением суда, обратились в Верховный суд Республики Крым (далее — ВС РК) с жалобами, в которых просили прекратить производство по делу в связи с отсутствием состава преступления. Они также обратили внимание ВС РК, что репост адвокатом спорных публикаций был произведен в 2013 г., когда Республика Крым относилась к юрисдикции Украины, не предусматривающей ответственности за данные деяния.

По мнению защиты, оспариваемым постановлением нарушены гарантии, предусмотренные ст. 6 и 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, — право на справедливое судебное разбирательство и наказание исключительно на основании закона, ст. 10 Конвенции — право распространять информацию без вмешательства государства, положения ст. 1.8 — действие закона в пространстве, а также ст. 3.9 КоАП РФ — назначение административного ареста.

Кроме того, защита указала, что адвокат привлечен к ответственности на основании закона, который никогда не был опубликован на территории Крыма,

* URL: <https://www.advogazeta.ru/novosti/krymskiy-minyust-vynes-predpisanie-ob-isklyuchenii-emilya-kurbedinova-iz-sostava-kolleгии-advokatov/>

и на момент вынесения решения суда сроки привлечения к административной ответственности истекли.

Однако решение суда первой инстанции осталось в силе — ВС РК отказал в удовлетворении более десятка жалоб защитников Курбединова.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов (далее — ФПА) Геннадий Шаров в комментарии «АГ» тогда отметил, что Адвокатская палата Республики Крым (далее — АП РК) сделала все необходимое в данной ситуации, особо подчеркнув действия президента АП РК: узнав, что арестованный адвокат ведет резонансные дела в других регионах, она незамедлительно оповестила своих коллег о возможных рисках, попросив их не торопиться с выделением для его доверителей адвокатов по назначению и проконтролировать в отношении них соблюдение ч. 3 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Тем не менее, «получив исчерпывающую информацию от АП РК, ФПА взяла ситуацию под собственный контроль».

Позиция Эмиля Курбединова и его защитников

Эмиль Курбединов считает предписание не только прямым вмешательством в адвокатскую деятельность, но и очень опасным прецедентом. «Думаю, все коллеги должны подключиться к обсуждению этой важной темы. Для меня является нонсенсом, что Минюст, используя такие рычаги, как административное правонарушение, может вывести какого-либо адвоката из состава коллегии», — пояснил он.

Адвокат добавил, что когда в 2017 г. он привлекался к административной ответственности по той же статье, реакции Минюста не последовало. «Полагаю, министерство сначала должно было как минимум обратиться в адвокатскую палату, и тогда уже адвокатское сообщество само должно было принимать решение, выводить ли адвоката из состава коллегии, и т.д. То, что сейчас происходит, считаю абсолютно незаконным», — пояснил Эмиль Курбединов.

По его мнению, появление предписания является попыткой оказать давление не только на него, но и на всю коллегию. «В основном все, кто работает в нашей коллегии, — единомышленники, участвующие во многих политических делах, в частности, касающихся задержанных украинских моряков», — пояснил Эмиль Курбединов. Адвокат добавил, что после ареста вернулся к защите украинских моряков, однако то, что при задержании у него были изъяты личные вещи, включая ноутбук и жесткий диск, где хранились все документы, доставило ему много неудобств. «На нескольких судебных заседаниях я был практически “безоружен” и впоследствии с трудом получил обратно ноутбук и жесткий диск», — рассказал он.

На вопрос о том, будет ли адвокат обращаться за содействием в региональную палату, он ответил, что намерен написать обращение как в АП РК, так и в ФПА, поскольку считает, что это касается всех коллег и является опасной тенденцией.

Один из защитников Эмиля Курбединова, адвокат Алексей Ладин, также считает предписание Минюста неприкрытым давлением на коллегу. «Фактически его пытаются лишить адвокатской практики без лишения статуса, — пояснил Алексей Ладин. — Согласно предписанию Эмиль Курбединов не может быть ни учредителем, ни членом коллегии. Единственная форма образования, которая доступна для него в данном случае, — адвокатский кабинет, но в связи с ограничениями, установленными Законом об адвокатуре, адвокат может выбрать данную форму образования, только если его стаж составляет пять лет и более, а в Республике Крым российское право начало действовать с 2014 г.».

Таким образом, по мнению защитника, данным предписанием Минюст «выдавливает» Курбединова из адвокатуры. «Предполагаю, что это может быть связано с его адвокатской деятельностью по защите граждан в политически мотивированных делах», — отметил он. Алексей Ладин добавил, что в настоящее время защита обсуждает дальнейшие действия. «В любом случае предписание будет обжаловано. В какой форме, в каком порядке и в рамках какого кодекса — определимся в ближайшее время», — резюмировал он.

Юрист Лиля Гемеджи, также представляющая Курбединова, выразила мнение, что привлечение адвоката к административной ответственности и предписание министерства — звенья одной цепи, когда антитеррористическое и антиэкстремистское законодательство используют как инструмент репрессий против неугодных. «Это удобный инструмент для того, чтобы выбивать из политически мотивированных дел тех адвокатов, которые не боятся браться за такие дела, не боятся быть рупором в вопросе информационного сопровождения этих дел», — подчеркнула она.

Эмиль Курбединов и его защитники добавили, что предписание в числе прочих документов уже направлено в ЕСПЧ в качестве требования о приоритетности рассмотрения их жалобы.

Комментарий Минюста России

Редакция «АГ» обратилась в Министерство юстиции Российской Федерации с запросом, в котором просила прокомментировать, правомерно ли данное предписание его территориального управления, каким образом оно может быть реализовано и какими нормами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре регламентируется его реализация.

Минюст России не ответил на поставленные вопросы и лишь повторил содержание предписания. При этом ведомство отметило, что в территориальное управление поступило вступившее в законную силу решение Киевского районного суда г. Симферополя о признании Эмиля Курбединова виновным в совершении административного правонарушения,

предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами).

«В этой связи в адрес Ассоциации “Крымская центральная коллегия адвокатов” г. Симферополя направлено предупреждение о принятии мер по исключению Э.М. Курбединова из состава ее членов со сроком устранения нарушений не позднее 1 марта 2019 г.», — сообщается в ответе.

Позиция Адвокатской палаты Республики Крым

Президент АП РК Елена Канчи в комментарии «АГ» сообщила, что АП РК делает все возможное для защиты прав и законных интересов адвокатов, обеспечения гарантий их профессиональной деятельности. «В данной ситуации закон предусматривает право обжалования таких предупреждений. Это находится в прямой связи с подачей адвокатом либо коллегией адвокатов соответствующей жалобы в суд. АП РК, в соответствии с требованиями закона, правом на обжалование предупреждения не наделена», — пояснила она.

Елена Канчи добавила, что адвокаты Крымской центральной коллегии адвокатов обладают достаточными правовыми знаниями. «Полагаю, что в настоящее время в соответствии с гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации уже начата процедура обжалования указанного предупреждения», — добавила президент палаты, подчеркнув при этом, что АП РК готова оказать всю необходимую правовую и методическую поддержку, однако обращения по данному поводу пока не поступали.

Комментарий вице-президента Федеральной палаты адвокатов

Комментируя предписание, вице-президент ФПА Геннадий Шаров отметил, что по его смыслу республиканское Управление Минюста, ссылаясь на ст. 7 Закона о противодействии экстремизму и п. 5 ч. 5 ст. 32 Закона о НПА, вынесло предупреждение Крымской центральной коллегии адвокатов устранить нарушение, выразившееся в том, что один из ее учредителей признан судом виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ.

Геннадий Шаров добавил, что, во-первых, ст. 7 Закона о противодействии экстремизму предусматривает возможность вынесения предупреждения организации только при наличии признаков экстремизма в деятельности самой этой организации, а в данном случае виновным признан один из ее членов.

«Во-вторых, органы юстиции действительно осуществляют функции по контролю и надзору за соблюдением адвокатскими образованиями законодательства и вправе вынести им предупреждение, но только в случае выявления действий, противоречащих целям, предусмотренным учредительными документами. Адвокатское образование не может нести ответственности за нарушение КоАП РФ отдельными адвокатами этого адвокатского образования», — отметил Геннадий Шаров.

В-третьих, добавил он, деятельность адвокатуры как корпорации, призванной обеспечивать осуществление особых публично-правовых функций, регулируется специальным Законом об адвокатской деятельности — об этом прямо говорится во введенной в 2015 г. ст. 123.16-2 ГК РФ, которая выделяет адвокатские образования из общего числа некоммерческих организаций. Там указано: «Адвокатскими образованиями, являющимися юридическими лицами, признаются некоммерческие организации, созданные в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре в целях осуществления адвокатами адвокатской деятельности».

Вице-президент ФПА подчеркнул, что п. 3 той же статьи также очень важен: «Особенности создания, правового положения и деятельности адвокатских образований, являющихся юридическими лицами, определяются законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре». Здесь, как указал Геннадий Шаров, ни слова не говорится о Законе о некоммерческих организациях. «То, что в реестре юридических лиц коллегия адвокатов некорректно названа ассоциацией, не влияет на ее статус как соответствующего адвокатского образования, созданного и функционирующего в соответствии с законом об адвокатуре», — пояснил он.

Геннадий Шаров напомнил, что в соответствии с Законом об адвокатуре лицо, обладающее статусом адвоката, может самостоятельно избирать форму адвокатского образования, в котором он намерен работать, или создавать собственное — например, объединившись с коллегами. Орган юстиции не может лишить адвоката данного права, но если он посчитает, что правонарушение, за которое суд применил к адвокату административное взыскание, столь серьезно, что есть основание лишить его статуса, то вправе внести в адвокатскую палату соответствующее представление. Палата, в свою очередь, должна будет решать, насколько серьезно нарушение, допущенное адвокатом. «Сначала вопрос подлежит рассмотрению квалификационной комиссией, в которую, кстати, входят не только адвокаты, но и представители органа юстиции, а также судебной и законодательной власти. Затем совет палаты рассматривает обращение с учетом позиции квалификационной комиссии и принимает соответствующее решение», — заключил Геннадий Шаров.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 25 декабря 2018 г. № 46О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
(СТ. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Охрана гарантированных Конституцией Российской Федерации прав каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23), на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), неприкосновенность жилища (ст. 25), а также права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37), на государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38) обеспечивается в том числе путем установления уголовной ответственности за нарушение этих прав в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовная ответственность наступает за сбор или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами (в частности, от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») оснований для получения, использо-

вания, предоставления сведений о частной жизни граждан без их согласия.

2. При решении вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 137 УК РФ, суду необходимо устанавливать, охватывалось ли его умыслом, что сведения о частной жизни гражданина хранятся им в тайне.

С учетом положений указанных норм уголовного закона в их взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации не может повлечь уголовную ответственность сбор или распространение таких сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле.

3. Под сбором сведений о частной жизни лица понимаются умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например, путем личного наблюдения, прослушивания, опроса других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения.

Распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или размещения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет).

4. При рассмотрении уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 138 УК РФ, судам следует иметь в виду, что тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений признается нарушенной, когда доступ к переписке, переговорам, сообщениям совершен без согласия лица, чью тайну они составляют, при отсутствии законных оснований для ограничения конституционного права граждан на тайну переписки,

телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений).

Нарушением тайны телефонных переговоров является, в частности, незаконный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи (дате, времени, продолжительности соединений, номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов).

Незаконный доступ к содержанию переписки, переговоров, сообщений может состоять в ознакомлении с текстом и (или) материалами переписки, сообщений, прослушивании телефонных переговоров, звуковых сообщений, их копировании, записывании с помощью различных технических устройств и т.п.

5. Под иными сообщениями в ст. 138 УК РФ следует понимать сообщения граждан, передаваемые по сетям электрической связи, например, sms- и mms-сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом.

6. По ст. 138 УК РФ подлежат квалификации незаконные действия, нарушающие тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений конкретных лиц или неопределенного круга лиц, если они совершены с прямым умыслом. При этом ответственность по данной статье наступает независимо от того, составляют передаваемые в переписке, переговорах, сообщениях сведения личную или семейную тайну гражданина или нет.

7. Уголовная ответственность по ст. 138.1 УК РФ за незаконное производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, наступает в тех случаях, когда указанные действия совершаются в нарушение требований законодательства Российской Федерации (например, Федеральных законов от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», Постановлений Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770, от 10 марта 2000 г. № 214, от 12 апреля 2012 г. № 287) без соответствующей лицензии и не для целей деятельности органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

8. По смыслу закона технические устройства (смартфоны, диктофоны, видеорегистраторы и т.п.) могут быть признаны специальными техническими средствами только при условии, если им преднамеренно путем технической доработки, программирования или иным способом приданы новые качества и свойства, позволяющие с их помощью негласно получать информацию.

В случаях, когда для установления принадлежности технического устройства к числу средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, требуются специальные знания, суд должен располагать соответствующими заключениями специалиста или эксперта.

9. Разъяснить судам, что само по себе участие в незаконном обороте специальных технических средств не может свидетельствовать о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, если его умысел не был направлен на приобретение и (или) сбыт именно таких средств (например, лицо посредством общедоступного интернет-ресурса приобрело специальное техническое средство, рекламируемое как устройство бытового назначения, добросовестно заблуждаясь относительно его фактического предназначения).

Не могут быть квалифицированы по ст. 138.1 УК РФ также действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан.

10. Обратить внимание судов на то, что ст. 139 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами (в частности, ст. 15 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ч. 3 ст. 3 Жилищного кодекса Российской Федерации, п. 5, 6 ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») оснований для ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища.

11. В соответствии с положениями ст. 139 УК РФ уголовную ответственность по этой статье влечет незаконное проникновение в индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями (например, верандой, чердаком, встроенным гаражом); в жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания (квартиру, комнату, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и т.п.); в иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т.п.).

Вместе с тем не может быть квалифицировано по указанной статье незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай,

баню, гараж и т.п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т.п.).

12. По смыслу ст. 139 УК РФ незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения).

13. С учетом того, что уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища наступает в том случае, когда виновный незаконно проникает в жилище, осознавая, что действует против воли проживающего в нем лица, проникновение в жилище, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, квалифицируется по ст. 139 УК РФ.

Действия лица, находящегося в жилище с согласия проживающего в нем лица, но отказавшегося выполнить требование покинуть его, не образуют состава данного преступления.

14. Судам необходимо иметь в виду, что при незаконном проникновении в жилище умысел виновного должен быть направлен на нарушение права проживающих в нем граждан на его неприкосновенность. При решении вопроса о наличии у лица такого умысла следует исходить из совокупности всех обстоятельств дела, в том числе наличия и характера его взаимоотношений с проживающими в помещении, строении гражданами, способа проникновения и других.

15. Действия виновного могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 139 УК РФ, если насилие или угроза его применения были совершены в момент вторжения в помещение либо непосредственно после него в целях реализации умысла на незаконное проникновение в жилище.

16. Обратить внимание судов на то, что уголовная ответственность по ст. 144.1, 145 УК РФ за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, указанного в примечании к ст. 144.1 УК РФ, а равно заведомо беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3 лет (матери, женщины-усыновителя, женщины-опекуна или приемной матери, воспитывающей одного или более ребенка в возрасте до 3 лет), наступает только в случаях, когда работодатель руководствовался дискриминационным мотивом, связанным соответственно с достижением лицом предпенсионного возраста, беременностью женщины или наличием у женщины детей в возрасте до 3 лет.

В случае если трудовой договор с работником был расторгнут по его инициативе, однако по делу имеются доказательства того, что работодатель вы-

нудил работника подать заявление об увольнении по собственному желанию именно в связи с его предпенсионным возрастом, беременностью женщины или наличием у женщины детей в возрасте до 3 лет, такие действия также образуют состав преступления, предусмотренного ст. 144.1 или 145 УК РФ соответственно.

17. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат частично (в случае когда свыше трех месяцев подряд платежи осуществлялись в размере менее половины подлежащей выплате суммы) или их невыплата полностью (когда свыше двух месяцев подряд выплаты не осуществлялись или размер осуществленной выплаты заработной платы был ниже установленного одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом минимального размера оплаты труда) квалифицируется соответственно по ч. 1 или ч. 2 ст. 145.1 УК РФ лишь при совершении указанных деяний умышленно, из корыстной или иной личной заинтересованности.

В связи с этим к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию и дающих основания для уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ руководителя организации или иного указанного в этой статье лица, должны относиться наличие у него реальной финансовой возможности для выплаты заработной платы, иных выплат или отсутствие такой возможности вследствие его неправомερных действий.

18. Судам следует иметь в виду, что уголовная ответственность в соответствии со ст. 145.1 УК РФ наступает в том числе в случаях невыплаты заработной платы и иных выплат работникам, с которыми трудовой договор не заключался либо не был надлежащим образом оформлен, но они приступили к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя (ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации).

19. Для целей ст. 145.1 УК РФ период формирования задолженности по выплатам работнику необходимо исчислять исходя из сроков выплаты заработной платы, установленных правилами внутреннего трудового распорядка организации, коллективным договором, трудовым договором, а также из времени, в течение которого заработная плата фактически не выплачивалась полностью или частично. При этом двухмесячный или трехмесячный срок задержки выплат исчисляется со дня, следующего за установленной датой выплаты. Периоды невыплат за отдельные месяцы года не могут суммироваться в срок свыше двух или трех месяцев, если они прерывались периодами, за которые выплаты осуществлялись.

20. Сроки давности уголовного преследования за совершение преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, исчисляются с момента его фактического окончания, в частности, со дня погашения

задолженности, увольнения виновного лица или временного отстранения его от должности. Увольнение работника, которому не была выплачена заработная плата, не влияет на исчисление сроков давности уголовного преследования работодателя.

21. Невыплата заработной платы одним и тем же работникам либо разным работникам частично свыше трех месяцев и полностью свыше двух месяцев, если содеянное охватывалось единым умыслом виновного, квалифицируется только по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, при этом все признаки деяния должны быть приведены в описательной части обвинительного приговора.

В иных случаях невыплата заработной платы частично и полностью образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 145.1 УК РФ.

22. По каждому уголовному делу о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина суду надлежит проверять, имеются ли основания для освобождения лиц, их совершивших, от уголовной ответственности.

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 145 УК РФ, относятся к категории дел частного-публичного обвинения и в соответствии с ч. 3 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не подлежат обязательному прекраще-

нию в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Вместе с тем в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если лицо впервые совершило такое преступление, являющееся преступлением небольшой тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, то суд вправе на основании заявления потерпевшего прекратить уголовное дело в отношении этого лица.

23. Судам при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных гл. 19 УК РФ, следует реагировать на нарушения прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, а также другие нарушения закона путем вынесения частных определений или постановлений в адрес соответствующих организаций и должностных лиц для принятия ими необходимых мер (ч. 4 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Увеличивается размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда

Установлены новые размеры вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда. Речь идет об оплате труда адвоката, производимой за счет федерального бюджета, в случаях предоставления гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами, назначаемыми в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ.

В 2019 г. размер вознаграждения адвоката по назначению должен составлять не менее 900 руб. и не более 1550 руб. за один рабочий день участия, в 2020 г. 1250-1900 руб., а в 2021 г. 1500-2150 руб.

Кроме того, увеличатся и ставки оплаты участия адвоката в уголовном деле в ночное время, а также в нерабочие праздничные или выходные дни.

См.: Постановление Правительства РФ от 02.10.2018 № 1169

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 25 октября 2018 г. № 1272

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ
И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
НА 2019–2023 ГГ.»

В соответствии со ст. 28 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемую Государственную программу «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 гг.».

2. Мероприятия, предусмотренные Государственной программой, утвержденной настоящим Постановлением, осуществляются Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Министерством обороны Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний, Федеральной таможенной службой и Федеральной службой по труду и занятости за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на указанные цели, в составе государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности».

*Председатель Правительства
Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ*

Утверждена
Постановлением Правительства
Российской Федерации
от 25 октября 2018 г. № 1272

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ
И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
НА 2019–2023 ГГ.»

ПАСПОРТ

Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 гг.»

Ответственный исполнитель Программы	—	Министерство внутренних дел Российской Федерации
Участники Программы	—	Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральная служба по труду и занятости
Цель Программы	—	реализация мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства

Задачи Программы	—	выполнение обязательств государства по обеспечению безопасности его граждан в связи с участием их в уголовном судопроизводстве; обеспечение эффективности функционирования системы органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности защищаемых лиц; совершенствование правовых основ финансового обеспечения деятельности органов, осуществляющих меры государственной защиты
Срок реализации Программы	—	2019–2023 гг.
Объем бюджетных ассигнований Программы	—	объем финансового обеспечения реализации Программы на 2019–2023 гг. за счет средств федерального бюджета составляет 1 059 256,1 тыс. руб., в том числе: в 2019 г. — 211 788,5 тыс. руб.; в 2020 г. — 211 866,9 тыс. руб.; в 2021 г. — 211 866,9 тыс. руб.; в 2022 г. — 211 866,9 тыс. руб.; в 2023 г. — 211 866,9 тыс. руб.
Ожидаемые результаты реализации Программы	—	исключение фактов гибели и причинения телесного повреждения или иного вреда здоровью, а также уничтожения (повреждения) имущества защищаемых лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве; повышение эффективности отправления правосудия
Ожидаемые результаты реализации Программы	—	исключение фактов гибели и причинения телесного повреждения или иного вреда здоровью, а также уничтожения (повреждения) имущества защищаемых лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве; повышение эффективности отправления правосудия

I. Общая характеристика сферы реализации Программы

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел согласно статистическим данным более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время меры государственной защиты применяются в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — защищаемые лица).

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» устанавливает систему мер государственной защиты, основания и порядок применения в рамках государственной защиты мер безопасности и мер социальной поддержки защищаемых лиц, определяет органы, на которые возложены обязанности по обеспечению государственной защиты.

Эффективность и особая значимость деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту, подтверждена практикой реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 гг.», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 гг.», Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 гг.», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 гг.» и Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 гг.», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 гг.».

В период с 2014 по 2017 гг. число защищаемых лиц, которые были задействованы в программных мероприятиях, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За указанный период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33 500 мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место.

В целом анализ статистических данных показывает, что наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и мер безопасности, применяемых в отношении этих лиц.

Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 гг.» (далее — Программа) разработана Министерством внутренних дел Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 28 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на основе предложений заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и практического опыта применения мер государственной защиты.

В процессе подготовки Программы учитывался опыт реализации указанных государственных программ, а также зарубежный опыт планирования и проведения мероприятий в этой области.

Программа определяет финансовое и материально-техническое обеспечение мер безопасности и социальной поддержки защищаемых лиц независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

II. Приоритеты в сфере реализации Программы, цель и ожидаемые результаты

Реализация Программы будет осуществляться в соответствии со следующими основными приоритетами: повышение уровня доверия к органам, осуществляющим меры безопасности, за счет роста эффективности и качества обеспечения безопасности защищаемых лиц;

обеспечение максимальной доступности обращений граждан в органы, осуществляющие меры государственной защиты;

предотвращение противоправных посягательств на защищаемых лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве;

укрепление материально-технической базы подразделений, непосредственно обеспечивающих меры безопасности;

повышение эффективности применяемых мер безопасности.

Целью Программы является обеспечение государственной защиты защищаемых лиц.

Указанная цель достигается реализацией органами, осуществляющими меры безопасности, полномочий в сфере обеспечения безопасности защищаемых лиц.

В ходе реализации Программы планируется применение мер государственной защиты в отношении свыше 20 тыс. защищаемых лиц.

Реализация Программы обеспечит накопление опыта применения конкретных мер государственной защиты.

Результаты реализации Программы планируется использовать при подготовке предложений по совершенствованию мер государственной защиты, повышению эффективности деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности защищаемых лиц.

III. Срок реализации Программы

Срок реализации Программы — 2019–2023 гг.

В связи с тем, что основная часть мероприятий Программы связана с применением мер государственной защиты, имеющих длящийся характер, реализация Программы не делится на этапы.

В ходе исполнения Программы будет производиться корректировка параметров и ежегодных планов ее реализации в рамках бюджетного процесса.

IV. Общая характеристика мероприятий Программы

Мероприятия Программы приведены в приложении № 1.

Мероприятия Программы не дублируют мероприятия федеральных целевых и ведомственных программ и реализуются в составе основного мероприятия государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности».

Распределение затрат среди участников Программы приведено в приложении № 2.

Программой предусматривается финансирование мероприятий по осуществлению государственной защиты в размере 1 059 256,1 тыс. руб., в том числе:

на применение мер безопасности — 1 041 316 тыс. руб.;

на применение мер социальной поддержки — 17 940,1 тыс. руб.

Распределение средств Программы на осуществление конкретных мер государственной защиты производится руководителем (заместителем руководителя) федерального органа исполнительной власти — участника Программы.

Распределение ассигнований федерального бюджета между участниками Программы осуществляется на основании предложений этих участников Программы ответственным исполнителем Программы и ежегодно уточняется при формировании проекта федерального бюджета на соответствующий год. Изменение предусмотренных участникам Программы объемов финансирования осуществляется участниками Программы по согласованию с ответственным исполнителем Программы.

Применение мер защиты, предусмотренных Соглашением о защите участников уголовного судопроизводства от 28 ноября 2006 г., осуществляется за счет средств Программы.

Меры государственной защиты применяются в порядке, обеспечивающем конфиденциальность сведений о производимых расходах.

В целях обеспечения эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти — участников Программы и решения вопросов, связанных с реализацией ее мероприятий, ответственным исполнителем Программы в установленном порядке может быть создана межведомственная рабочая группа.

В целях реализации мероприятий Программы, организации взаимодействия и координации действий ее участники издадут нормативные правовые акты.

V. Информация по ресурсному обеспечению Программы

Объем финансового обеспечения реализации Программы за счет средств федерального бюджета с 2019 по 2023 гг. составит 1 059 256,1 тыс. руб., в том числе:

в 2019 г. — 211 788,5 тыс. руб.;

в 2020 г. — 211 866,9 тыс. руб.;

в 2021 г. — 211 866,9 тыс. руб.;

в 2022 г. — 211 866,9 тыс. руб.;

в 2023 г. — 211 866,9 тыс. руб.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период 2013–2018 гг. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 гг. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОЙ ДИСКУССИИ «ПРАВО АДВОКАТА: ЧТО МЕШАЕТ ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ» В РАМКАХ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ФОРУМА-2018

г. Москва

8 декабря 2018 г.

1. Участники экспертной дискуссии, проведенной в рамках Общероссийского гражданского форума-2018 (далее — ОГФ-2018) отмечают, что предложения, выработанные в результате деятельности рабочей группы ОГФ «Развитие адвокатуры», сформулированные в 2016–2017 гг., направленные от имени ОГФ различным субъектам законодательной инициативы, были, в частности, учтены при разработке и принятии Федерального закона № 73-ФЗ от 17 апреля 2017 г.

Так, было учтено предложение об исключении из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) процедуры допуска адвоката к участию в деле, о запрете на использование в качестве доказательств материалов адвокатского производства, об обязательном присутствии при производстве обыска, выемки и осмотра в отношении адвоката специально уполномоченного представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а также об установлении в УПК РФ обязательных требований к основаниям и порядку обыска (выемки, осмотра) и решениям об их производстве. Также были расширены полномочия адвоката-защитника в части приобщения к материалам уголовного дела заключения специалиста и фактически устранен запрет на разглашение адвокатом-защитником данных предварительного расследования, если это необходимо в связи с осуществлением им защиты подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу.

Кроме того, предложения, выработанные в результате деятельности рабочей группы, были учтены при разработке и принятии Федерального закона № 146-ФЗ от 1 июля 2017 г. об увеличении размера административного штрафа за неправомерный отказ в предоставлении адвокату информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации по адвокатскому запросу с пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

Предложения рабочей группы о введении аудиозаписи судебного разбирательства по всем категориям дел учтены разработчиками проектов Федеральных законов № 426094-7 и 426225-7, вне-

сенных Президентом Российской Федерации на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 26 марта 2018 г. и впоследствии принятых и интегрированных в положения действующего законодательства.

Участники дискуссии отметили, что **изменения законодательства были положительно восприняты адвокатским сообществом и лицами, которым оказывается квалифицированная юридическая помощь, однако реализация этих изменений требует дальнейшего совершенствования и корректирования практики применения соответствующих норм.**

2. Участники экспертной дискуссии отметили, что 30 мая 2017 г. рабочей группой в Министерство Российской Федерации были направлены предложения о введении уголовной ответственности за вмешательство в какой бы то ни было форме в адвокатскую деятельность в целях воспрепятствования осуществлению профессиональных полномочий адвоката, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. В качестве квалифицирующих признаков соответствующего деяния предложено установить совершение того же деяния группой лиц по предварительному сговору либо лицом с использованием своего служебного положения, а в качестве особо квалифицирующих признаков — те же деяния, совершенные с применением насилия (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 295 и 296 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Кроме того, было предложено ввести административную ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в адвокатскую деятельность в целях воспрепятствования осуществлению адвокатом его профессиональных полномочий, в том числе неправомерный отказ в предоставлении адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное предоставление такой информации либо предоставление заведомо недостоверной информа-

ции, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния.

Участники экспертной дискуссии обратили внимание на **необходимость скорейшего принятия этих законопроектов, направленных в Министерство юстиции Российской Федерации, где они получили поддержку.**

3. Участники экспертной дискуссии отметили, что **до сих пор нереализованными остались следующие, ранее сформулированные предложения рабочей группы, направленные на совершенствование нормативной регламентации профессиональных прав адвоката, которые также нуждаются в скорейшем обсуждении и введении в текст законодательных актов.**

К ним относятся следующие предложения:

— об исключении возможности привлечения адвоката к ответственности за непредоставление сведений (информации), составляющих адвокатскую тайну, по запросу должностных лиц государственных органов и иных лиц;

— об установлении дополнительных законодательных гарантий невозможности привлечения адвоката к ответственности за выраженное им при осуществлении профессиональной деятельности мнение, кроме случаев, когда судом установлена вина адвоката в совершении преступных действий, либо когда в рамках дисциплинарного производства установлен факт виновного нарушения адвокатом положений действующего законодательства или требований профессиональной этики;

— о конкретизации перечня лиц, связанных с адвокатом, на которых распространяется государственная защита, путем включения в него родственников и близких лиц и расширении перечня государственных органов, осуществляющих защитительные мероприятия;

— об установлении условия привлечения адвоката, как специального субъекта, осуществляющего публично-правовую функцию по обеспечению конституционной гарантии оказания квалифицированной юридической помощи, к уголовной или административной ответственности лишь при наличии согласия уполномоченного органа адвокатского самоуправления, с предоставлением этому органу права отказать в даче согласия в случае, если будет установлено, что инкриминируемое адвокату деяние является правомерным осуществлением им профессиональной деятельности;

— о включении в перечень лиц, не подлежащих вызову и допросу в качестве свидетелей, доверителя адвоката, по вопросам, касающимся содержания его общения с адвокатом, содержания рекомендаций, данных адвокатом, планируемых и осуществляемых адвокатом действий по представлению и защите законных интересов доверителя;

— об ответственности за нарушение прямого законодательного запрета на истребование от адвоката-защитника при встречах с подзащитным, находящимся под стражей, иных документов, помимо удостоверения адвоката и ордера, и о придании удостоверению адвоката статуса документа, удостоверяющего личность и предоставляющего право беспрепятственного доступа во все организации и учреждения в связи с осуществлением профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи;

— об установлении законодательного запрета на производство оперативно-розыскных мероприятий и на применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также следственных действий в отношении адвоката без предварительного судебного разрешения;

— об установлении процессуальной санкции в виде запрета на направление уголовного дела в суд, в случае отказа в удовлетворении ходатайства адвоката-защитника о проверке и приобщении к материалам дела собранной им доказательственной информации и отказа в использовании этой информации в процессе доказывания, когда согласно ст. 159 УПК РФ в удовлетворении соответствующего ходатайства не может быть отказано;

— о введении судебного порядка дачи разрешения на получение адвокатом-защитником ответа на запрос, справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, если они содержат государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, либо о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и иных сведений, содержащих информацию ограниченного доступа, о сокращении срока получения ответа на запрос адвоката;

— об установлении судебного порядка привлечения к административной ответственности за непредставление сведений по запросу адвоката, в случае если субъектом правонарушения являются должностные лица органов прокуратуры, а также следственных органов и органов дознания;

— об исключении нормативных положений, согласно которым встреча адвоката-защитника с подзащитным по решению дознавателя или следователя может быть сокращена до двух часов, о разрешении адвокату проносить на территорию места содержания под стражей персональные компьютеры для совместного с подзащитным изучения материалов уголовного дела и составления процессуальных документов, о запрещении производства оперативно-розыскных мероприятий во время встреч адвоката с доверителем, о конкретизации перечня оснований

для осуществления перлюстрации переписки адвоката с его доверителем, содержащимся под стражей, о детализации оснований и порядка проведения личного досмотра адвоката при посещении мест содержания под стражей;

— о разрешении адвокату-защитнику при участии в следственных и процессуальных действиях без ограничений применять технические средства для фиксации хода и результатов этих действий, о детализации содержания профессионального права адвоката-защитника на применение технических средств в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела, о разрешении иным лицам по поручению адвоката-защитника осуществлять кино-, видео- и аудиозапись;

— о детализации содержания права адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела в процессе предварительного расследования с расширением перечня документов, с которыми он вправе знакомиться, включая возможность изготовления их копий либо получения таковых от следователя (дознателя);

— об уточнении содержания профессионального права адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела по завершению предварительного расследования путем введения процедуры ознакомления, исключающей произвольное изменение и дополнение материалов дела, об уточнении перечня оснований, по которым может быть ограничено право адвоката-защитника получать и хранить при себе копии из материалов дела.

4. Участники экспертной дискуссии, обсудив проект федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Законопроект) отмечают, что Законопроект затрагивает ряд проблем организации адвокатуры, разрешение которых действительно требуется в целях формирования условий для прогрессивного развития этого института гражданского общества в Российской Федерации.

В то же время проведенное рабочей группой обобщение публично высказанных мнений по вопросам, которые призван разрешить Законопроект, основанное на содержащихся в официальных отзывах Правительства Российской Федерации, Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Совета Адвокатской палаты города Москвы, советов ряда других адвокатских палат субъектов Российской Федерации и общественных объединений адвокатов правовых позициях, а также на анализе содержания публикаций в научно-практической литературе и СМИ и изучении материалов ранее проведенных рабочей группой мероприятий, показывает, что **Законопроект, наряду с вопросами, которые нашли поддержку у большинства представителей адвокатского сообщества,**

содержит предложения, относительно которых в настоящее время в адвокатском сообществе ведется острая дискуссия, в ходе которой высказываются полярные точки зрения.

При этом, Пояснительная записка к Законопроекту по этим дискуссионным вопросам не содержит убедительных доводов относительно необходимости введения в закон соответствующих изменений.

Проведенное обобщение показало следующее:

1. По вопросу об уточнении требований к адвокатам, учреждающим коллегию адвокатов.

В числе положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений обращается внимание на:

- появление возможности привлекать в качестве учредителей молодых адвокатов;
- упрощение создания коллегий адвокатов;
- создание условий для перехода в адвокатуру сложившихся коллективов, частнопрактикующих юристов.

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений по данному вопросу и возражений относительно их принятия не выявлено.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения и при этом предусмотреть аналогичное решение относительно пятилетнего стажа адвокатской деятельности для учредителей адвокатских кабинетов ввиду отсутствия требований наличия пятилетнего стажа для руководителей других адвокатских образований и органов адвокатского самоуправления, а также для предотвращения дискриминации адвокатских кабинетов.

2. По вопросу об установлении порядка образования и деятельности адвокатского бюро.

В числе положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений обращается внимание на:

- приспособление адвокатского бюро для ведения необходимых для эффективного осуществления адвокатской деятельности бизнес-процессов;
- возможность установления разного статуса партнеров.

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений по данному вопросу и возражений относительно их принятия не выявлено.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения и при этом установить различия в правовом статусе адвоката-партнера и адвоката-участника, а также установить полномочия по принятию Устава органом бюро.

3. По вопросу об установлении возможности включения в соглашение условия о зависимости вознаграждения от результата оказания адвокатом юридической помощи.

В числе положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений обращается внимание на:

— расширение возможности граждан на доступ к юридической помощи;

— обеспечение правовой защиты соответствующего режима установления гонорара адвоката.

К замечаниям по данному предложению следует отнести мнение о том, что в законе уже перечислены все существенные условия соглашения, в том числе размер оплаты, в то же время с данным замечанием невозможно согласиться ввиду его голословности и того, что оно не учитывает специфику правового режима «гонорара успеха».

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений по данному вопросу не выявлено.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения и при этом установить возможность применения этого вида вознаграждения адвоката только по имущественным спорам и полностью исключить возможность установления «гонорара успеха» по уголовным делам.

Также предлагается дополнить действующее законодательство положением о том, что договор об оказании юридической помощи, в том числе предусматривающий установление «гонорара успеха», может быть оспорен в судебном порядке только его сторонами, а также установить, что право на оспаривание такого договора по основаниям, связанным с нарушением интересов государства, в том числе путем необоснованного установления в нем условия о «гонораре успеха», возникает у уполномоченных органов государства только при наличии вступившего в законную силу решения совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности в связи с заключением или исполнением соответствующего договора, либо в случаях, когда адвокат вступившим в законную силу приговором суда признан виновным в совершении преступления, совершенного под прикрытием соответствующего договора.

4. По вопросу об уточнении правового статуса стажера адвоката и помощника адвоката и роли Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в его правовом регулировании.

В числе положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений обращается внимание на необходимость установления единого для всей России порядка прохождения стажировки и работы в качестве помощника адвоката, а также исключение установления не предусмотренных требований, предъявляемых к соискателям соответствующего статуса.

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений по данному вопросу и возражений относительно их принятия не выявлено.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения, но при этом:

— *уточнить правовой статус стажера адвоката и помощника адвоката именно в тексте Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;*

— *четко обозначить в тексте закона правовой статус и полномочия стажера и помощника адвоката, назначение стажировки;*

— *установить в законе базовые требования к программе стажировки, круг прав, обязанностей, порядок материального стимулирования адвоката-куратора;*

— *определить пределы контроля органов адвокатского самоуправления за деятельностью стажера и помощника адвоката;*

— *определить порядок выдачи удостоверения стажера адвоката и помощника адвоката;*

— *установить право стажера адвоката и помощника адвоката работать по совместительству, если такая работа не наносит ущерб авторитету адвокатуры;*

— *закрепить в законе правовые нормы, направленные на установление дополнительных гарантий сохранения адвокатской тайны стажерами и помощниками адвоката;*

— *установить, что стажировка в адвокатуре может основываться как на гражданско-правовом, так и на трудовом договоре, а также то, что условия гражданско-правового договора устанавливаются адвокатскими образованиями с соблюдением требований законодательства.*

5. По вопросу о расширении количественного состава Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации с тридцати до тридцати трех членов.

Относительно положительных и отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений мнений не высказано.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения, но при этом уточнить обоснование в части количественных показателей, учитываемая значимость поставленной в Законопроекте цели — обеспечения более широкого представительства региональных адвокатских палат и вовлечения в деятельность органов адвокатского самоуправления лиц, пополняющих состав адвокатуры.

6. По вопросу об уточнении полномочий президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в рамках его деятельности при проведении Всероссийского съезда адвокатов.

Относительно положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений высказывается мысль о том, что предложение обусловлено дейст-

вительно существующей необходимостью уточнения правового статуса президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в рамках его фактически осуществляемой деятельности при проведении Всероссийского съезда адвокатов.

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений и предложений о его доработке в этой части не выявлено.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения в предложенной разработчиками законопроекта редакции.

7. По вопросу об уточнении порядка приостановления статуса адвоката и правового статуса адвоката, приостановившего статус.

Относительно положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений указывается на:

- закрепление фактически существующего в «наиболее прогрессивных» адвокатских палатах порядка;
- упрощение приостановления статуса адвоката;
- создание единых условий для адвокатов, приостанавливающих статус.

Отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений и предложений не выявлено, за исключением того, что в настоящее время в юридической науке окончательно не завершена дискуссия о том, должна ли влечь возможность лица быстрого возврата к занятию адвокатской деятельностью путем возобновления статуса одновременное установление для него обязанности соблюдать в период приостановления статуса нормы Кодекса профессиональной этики адвоката и в каком именно объеме.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить принять соответствующие изменения, но при этом:

— **установить обязанность территориального органа юстиции хранить удостоверение и осуществить его выдачу при возобновлении статуса не позднее определенного срока;**

— **сократить срок для возможности возобновления приостановленного статуса до двух месяцев;**

— **уточнить, что приостановление статуса адвоката не влечет за собой приостановление действия гарантий, предусмотренных ч. 3 ст. 8 закона, поскольку это уже предусмотрено законом;**

— **уточнить норму в части приостановления статуса членов органов управления адвокатским образованием и адвокатского самоуправления, дополнить закон относительно случаев, при которых сдача удостоверения неосуществима;**

— **четко определить в законе обязанности, которые предполагается возложить на адвоката с приостановленным статусом.**

8. По вопросу об уточнении порядка изменения членства в адвокатской палате, введение дополнительных условий для изменения членства в адвокатской палате для лиц с адвокатским статусом менее 5 лет.

Относительно положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений указывается на то, что они могут явиться способом прекращения различных манипуляций с целью необоснованно «облегчить» сдачу экзамена на статус адвоката, а также отмечается, что первая редакция закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ограничивала переход адвоката из палаты в палату в течение двухлетнего срока практики.

Среди отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений, возражений и замечаний выявлены следующие:

- поправки не решают проблемы, которые призваны решить;
- в Законопроекте не определены сроки и критерии, по которым принимается решение, порядок предварительного согласования решения с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, что создает неопределенность и возможность для произвола;

— при принятии предложений будет ограничено конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства и пребывания, нарушены нормы, гарантирующие единство экономического пространства;

— произойдет чрезмерное и необоснованное усложнение деятельности Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по согласованию соответствующих переходов адвокатов из одной адвокатской палаты в другую;

— ограничение права не может быть обусловлено лишь недобропорядочной практикой сдачи экзамена.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить отклонить соответствующие изменения, при этом предложить Федеральной палате адвокатов Российской Федерации внести изменения в порядок сдачи квалификационного экзамена и предусмотреть в нем способы усиления контроля за его принятием: в частности, установить требование о проведении экзамена путем использования автоматизированной информационной системы, обеспечивающей автоматизированную анонимную проверку результатов сдачи квалификационного экзамена.

9. По вопросу о введении возможности переизбрания президента на третий и более срок на общем собрании (конференции) палаты или Всероссийском съезде адвокатов, отмена правила «двух сроков».

Относительно положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений указывается на то, что:

— адвокаты способны самостоятельно, без избыточных законодательных ограничений, решать вопрос о руководителях корпорации;

— фактически сложившаяся модель управления палатами поправки не меняют, поскольку большинство палат пошли по пути сохранения руководителей на постах более двух сроков, и этот процесс нужно вводить в законные рамки;

— выгоды от абсолютности демократических принципов становятся неочевидными и входят в противоречие с целями стабильного развития;

— предлагается решение возникших проблем с учетом устоявшихся веками национальных реалий, позволяя сохранить накопленный опыт и традиции, обеспечивая стабильность и процветание, что представляет собой шаг вперед в сравнении с неопределенностью.

В то же время значительная часть представителей адвокатского сообщества выражает несогласие с последними тремя приведенными выше тезисами, в связи с чем среди отрицательных свойств предложенных в Законопроекте изменений и предложений отмечаются следующие положения:

— предложенными изменениями нарушаются принципы корпоративности и демократического устройства адвокатуры, а также принцип равноправия адвокатов, изменения рушат модель организации адвокатуры;

— сменяемость власти — достижение цивилизации, гарантия соблюдения подлинной демократии, а адвокатура должна быть образцом соблюдения демократических процедур;

— за рубежом, при коротких сроках президентства, при смене президента стабильность организации адвокатуры не нарушается. Об этом же свидетельствует и опыт тех адвокатских палат субъектов Российской Федерации, где должным образом соблюдено требование сменяемости руководства;

— президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и президенты адвокатских палат субъектов Российской Федерации не должны утрачивать связь с профессией, именно отсюда начинается недопонимание между руководителями органов адвокатского самоуправления и практикующими адвокатами;

— двух президентских сроков достаточно, чтобы президент мог со своей командой внести вклад в развитие сообщества;

— право каждого адвоката быть избранным в органы адвокатского самоуправления приобретает иллюзорный характер;

— президент палаты является не единоличным (единоначальным) руководителем, а главой коллегиального органа — первым среди равных, поэтому порядок его избрания не должен отличаться от порядка избрания самого коллегиального органа.

На основании вышеизложенного представляется необходимым предложить существенно скорректи-

ровать предложенные Законопроектом изменения. В частности, были высказаны следующие предложения:

— предусмотреть возможность выборов президентов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатских палат субъектов Российской Федерации с помощью голосования на заседании Всероссийского съезда адвокатов и собрания (конференции) адвокатов, начиная с первого срока избрания на должность, при этом предоставить вновь избранному президенту право сразу же после его избрания предложить состав совета соответствующей палаты;

— предоставить адвокатам право самовыдвижения кандидатуры в члены совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации или адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, либо возможность выдвижения кандидатуры инициативной группой;

— сохранить запрет на занятие должности президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатской палаты субъекта Российской Федерации более двух сроков;

— **учитывая наличие технической возможности применения адвокатами электронных цифровых подписей и (или) разработки способов достоверной идентификации адвоката как голосующего лица, с сохранением при этом в тайне результатов его голосования, рассмотреть вопрос о возможности введения прямых выборов президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, членов Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, президентов и членов советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.**

10. По вопросу о расширении полномочий Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации при осуществлении дисциплинарного производства.

Относительно положительных свойств предложенных в Законопроекте изменений указывается на то, что:

— предусмотренное законом право президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации возбуждать дисциплинарные производства нуждается в эффективном механизме реализации, а в Законопроекте речь идет только об этом узком сегменте — дисциплинарных производствах, возбужденных президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

— сравнения предлагаемой процедуры с судебными процедурами некорректны;

— перед адвокатурой остро стоит задача добиться единства дисциплинарной практики;

— правило о возможности роспуска совета региональной палаты уже установлено, не следует делать из этого правила исключение именно в части дисциплинарного производства;

— в настоящее время адвокат, если исходить из норм Кодекса профессиональной этики адвоката, лишается возможности оспорить решение совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации по дисциплинарному производству, если нет процессуальных нарушений;

— в ряде случаев адвокаты сами просят Федеральную палату адвокатов Российской Федерации вмешаться и защитить их интересы, нарушенные на уровне региона.

В то же время значительная часть представителей адвокатского сообщества выражает несогласие с приведенными выше тезисами, указывая среди отрицательных свойств предлагаемых Законопроектом изменений, в частности, на следующие обстоятельства:

— Федеральной палате адвокатов Российской Федерации, как вышестоящей инстанции, планируется предоставить беспрецедентные по объему полномочий, которые не характерны для любых судебных и квазисудебных органов, при отсутствии разумного обоснования для этого;

— возможность «обнуления» сроков привлечения к ответственности при пересмотре дела ФПА РФ не соответствует требованию правовой определенности;

— обеспечивать единство дисциплинарной практики следует рекомендациями и разъяснениями КЭС, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

— адвокаты являются членами адвокатских палат соответствующего субъекта, иная палата не обладает в отношении членов посторонних палат дисциплинарными полномочиями;

— предложение необоснованно ограничивает самостоятельность адвокатских палат, противоречит принципам независимости, самоуправления, корпоративности;

— предлагается беспрецедентная система, абсолютно лишаящая усмотрения правоприменителя, которому придется пересматривать дело повторно, что говорит об антиправовом подходе, рушащем концепцию системы пересмотра, основанную на распределении полномочий;

— поправки могут быть использованы для подавления тех, кто имеет свое мнение и состоит в относительной оппозиции или конфликте с руководством Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

— предлагаемые к разрешению вопросы подлежат в силу п. 2 ст. 4 Закона по регулированию Кодекса профессиональной этики адвоката, а не закона.

При таких обстоятельствах представляется необходимым отклонить предложенные дополнения и рассмотреть возможность наделения Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, в лице Комиссии по этике и стандартам либо специально созданного коллегиального органа, универсальными полномочиями «апелляционной инстанции» по пере-

смотру решений органов адвокатских палат субъектов Российской Федерации — по аналогии с компетенцией соответствующих судов.

5. Обсуждение в ходе экспертной дискуссии иных актуальных проблем, связанных с организацией адвокатуры и адвокатской деятельностью, позволило сформулировать следующие предложения для их дальнейшего обсуждения и реализации в деятельности органов адвокатского самоуправления (в том числе, где это необходимо, в рамках законотворческой деятельности):

— возможность осуществления общественной экспертизы корпоративных актов адвокатских палат субъектов Российской Федерации с целью установления в них норм, нарушающих или необоснованно ограничивающих права адвокатов, упорядочивания процесса принятия корпоративных актов адвокатских палат в направлении его большей открытости, для чего предусмотреть обязательность организации широкого обсуждения наиболее значимых корпоративных актов адвокатских палат перед их принятием, предоставить адвокатам право инициировать рассмотрение и принятие корпоративного акта в адвокатской палате субъекта Российской Федерации (например, в случае, если с предложением о принятии акта выступает группа адвокатов, составляющая не менее десяти процентов от общего состава членов адвокатской палаты);

— в целях предотвращения конфликта интересов разработать и ввести в законодательство нормы, предотвращающие возможность привлечения к выполнению обязанностей члена совета адвокатской палаты, члена квалификационной комиссии, члена ревизионной комиссии родственников или родственников президента или вице-президента соответствующей адвокатской палаты;

— установить обязанность адвокатских палат субъектов Российской Федерации заблаговременно информировать членов палаты о заседаниях и готовящихся к принятию актах, а также обеспечивать возможность участия в заседаниях органов адвокатских палат всех желающих принять в них участие адвокатов-членов палаты, при условии предварительной регистрации адвокатов для участия в заседании;

— установить единый для всех адвокатских палат порядок избрания делегатов на конференцию адвокатской палаты субъекта Российской Федерации с тем, чтобы было обеспечено представительство делегатами интересов всех членов палаты, вне зависимости от избранной ими формы адвокатского образования;

— в целях предотвращения невыполнения поручений адвокатской палаты, делегатами, направленными ею на Всероссийский съезд адвокатов, рассмотреть вопрос об установлении контрольного механизма за результатами голосования делегатов — представителей адвокатских палат;

— рассмотреть вопрос о введении в отношении адвокатов налогового режима, установленного для

самозанятых граждан, что предполагает льготное налогообложение по ставке 4% при оказании юридической помощи физическим лицам и 6% при оказании помощи юридическим лицам, а также возможность отказаться от уплаты взносов в фонды медицинского и социального страхования;

— рассмотреть вопрос о предоставлении адвокатам, осуществляющим адвокатскую деятельность в составе адвокатских образований, возможности применения налогового режима упрощенной системы налогообложения с возможностью конкретного адвоката самостоятельно выбирать параметры применения данной системы применительно к его деятельности;

— рассмотреть вопрос о введении в положения Кодекса профессиональной этики адвоката презумпции добросовестности адвоката применительно к дисциплинарному производству, а также требования обученности доверителя при принятии решения по дисциплинарному производству в отношении адвоката;

— рассмотреть вопрос об установлении в Кодексе профессиональной этики адвоката условий, при которых возможно применение меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката (как правило, при предательстве интересов доверителя);

— в целях создания условий для усиления дифференциации дисциплинарной ответственности адвоката рассмотреть вопрос о дополнении положений Кодекса профессиональной этики адвоката новыми санкциями, альтернативными прекращению статуса адвоката, в частности, временным приостановлением права на занятие адвокатской деятельностью или введением штрафных санкций;

— предусмотреть в п. 4 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката возможность заявления адвокатом ходатайства о проведении рассмотренного дисциплинарного дела в отношении адвоката в открытом режиме в случаях, когда доверитель адвоката согласен на такую форму рассмотрения дела, а также когда из обстоятельств дела следует, что в рамках его рассмотрения дела не может быть нарушена адвокатская тайна;

— учитывая, что характерными проявлениями дискриминации адвокатских кабинетов со стороны адвокатских палат являются установление повышенных ежемесячных взносов, запрещение арендовать рабочее место вне юридического адреса нахождения адвокатского кабинета и (или) запрещение арендовать рабочее место совместно с лицами, не имеющими статус адвоката при соблюдении адвокатами правил сохранения тайны в отношении материалов адвокатских производств, а также установление запрета на осуществление защиты по назначению или введение различного рода ограничительных мер на принятие адвокатами, осуществляющими свою деятельность в адвокатских кабинетах, соответствующих поручений, предлагается предпринять

меры по установлению законодательных и корпоративных гарантий, направленных на предотвращение дискриминации адвокатов, осуществляющих свою деятельность в адвокатских кабинетах, со стороны отдельных адвокатских палат;

— в целях обеспечения равномерного распределения дел по назначению с учетом принципа равноправия адвокатов и обеспечения независимости адвокатов от действий и решений назначающих их органов и их должностных лиц, предпринять меры, направленные на закрепление в законодательстве положения об утверждении автоматизированной информационной системы как единственного способа распределения соответствующих дел;

— рассмотреть вопрос о создании в структуре Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации подразделения, которое может в оперативном порядке оказывать обратившимся адвокатам информационно-консультационную и научно-методическую поддержку;

— рассмотреть вопрос о формировании в Федеральной палате адвокатов Российской Федерации и адвокатских палатах субъектов Российской Федерации комиссий по вопросам оказания помощи адвокатам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, предусмотреть в положениях закона и (или) корпоративных актах возможность предоставления адвокатам, попавшим в такую ситуацию, материальной помощи, установления в индивидуальном порядке отсрочки или рассрочки уплаты ежемесячных взносов на содержание органов адвокатского самоуправления.

Участники экспертной дискуссии отмечают, что проект Федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является хорошим поводом для обсуждения и реализации сформулированных в настоящей Резолюции идей, часть из которых закреплена в проекте Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, и которые призваны способствовать усилению необходимых гарантий независимой и эффективной адвокатской деятельности, демократизации корпоративных процедур и деятельности органов адвокатского самоуправления.

Участники экспертной дискуссии отметили, что Резолюцию, подготовленную по ее результатам, необходимо направить субъектам законодательной инициативы, в органы адвокатского самоуправления и общественные объединения адвокатов для использования в законотворческой и научно-практической деятельности, а также осуществить ее максимально широкое распространение среди представителей адвокатского сообщества и иных заинтересованных лиц.

*Координаторы рабочей группы ОГФ
«Развитие адвокатуры»
В.В. Ключевант,
А.В. Рагулин*

По итогам работы дискуссионной площадки «Открытость судов. Изменение оптики» в рамках Общероссийского гражданского форума 8 декабря 2018 г. была принята Резолюция «Об "интерфейсе" правосудия». Публикуем текст Резолюции*

8 декабря 2018 г.

ОБ «ИНТЕРФЕЙСЕ» ПРАВОСУДИЯ

Резолюция по итогам работы площадки на ОГФ-2018

Восприятие гражданами судебной системы и справедливости судебных решений складывается из нескольких элементов:

— материальная справедливость: согласен ли человек внутренне с вынесенным решением, представляется ли оно достаточно аргументированным и обоснованным;

— процессуальная справедливость: соблюдены ли, с точки зрения гражданина, требования к процедуре вынесения решения;

— отношение к рядовым «пользователям системы» со стороны всех тех, кто обеспечивает функционирование судов.

Третья составляющая определяет общий «интерфейс» судебной системы и крайне важна для общественного восприятия правосудия. Сюда входит как поведение сотрудников аппарата судов, а также судебных приставов («отнеслись по-человечески», «вежливо и тактично разъяснили» и т.п.), так и качество инфраструктуры (наличие туалетов, мест ожидания, транспортная доступность), открытость системы (исключая совещательную комнату суда) внешнему контролю, наличие понятных и действующих коммуникационных каналов между судами и «пользователями».

Судебная система в последние годы совершила серьезный прорыв в обеспечении информационной открытости судов посредством системы ГАС «Правосудие». Однако часто решения, принятые в открытых заседаниях, размещаются на сайтах с большим запозданием, не полностью, а в отдельных случаях не публикуются вовсе. Практикуемое судами удаление из текста решений различных данных (при отсутствии общих критериев такого удаления) приводит к сложностям для пользователей при поиске решений в системе. В сфере реального доступа в суды и организации «материального», а не «виртуального» интерфейса, как показывают независимые наблюдения, также нужно сделать еще очень много.

Открытость и доступность судов являются важным элементом качества правосудия и должны

учитываться при общей оценке судебной системы в России, в том числе при реализации Целевой федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.». При этом единых критериев такой оценки до сих пор не разработано.

По результатам дискуссии в рамках Общероссийского гражданского форума-2018, в которой приняли участие общественные активисты, представители Советов судей, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, института уполномоченных по правам человека, а также адвокатского и журналистского сообществ, были предложены следующие направления повышения открытости и доступности судов, а также развития дружественного «интерфейса» судебной системы:

1. Изменение в формулировках правил и принципов нахождения граждан в судах с запретительного порядка регулирования на общедозволительный и своевременный пересмотр тех запретов, которые оказываются излишними.

2. Понятность и доступность гражданам языка «интерфейса»: доступность справочной информации в зданиях судов и на информационных стендах, а также на официальных сайтах судов.

3. Создание механизмов обратной связи на сайтах судов.

4. Обеспечение открытости судебных заседаний для публики и СМИ независимо от технических, материальных или иных препятствий.

5. Обеспечение доступа в здания судов и залы судебных заседаний в случае проведения заседаний в нерабочее время и в выходные дни.

6. Обеспечение своевременного и полного размещения судебных актов на официальных сайтах судов.

7. Пересмотр и закрепление ясных критериев удаления сведений в судебных решениях при публикации в сети Интернет, если они были приняты в открытом и публичном слушании. Степень анонимизации личных данных должна касаться

* URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3983/>

только персональных данных, а не сведений о сути судебного решения.

8. Утверждение единых правил поведения в зданиях судов для граждан, представителей гражданского общества, адвокатуры и СМИ с сохранением за председателями судов права изменять правила лишь в сторону лучшего обеспечения большей открытости суда и расширения набора услуг со стороны аппарата судов.

9. Продолжение общественного мониторинга открытости и доступности судов силами гражданского общества как правило по согласованию с органами судейского сообщества и с представлением ему полученных результатов.

Участники дискуссии в рамках Общероссийского гражданского форума-2018:

— просят Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на отдельном заседании при участии представителей Совета судей Российской Федерации и уполномоченных по правам человека обсудить результаты общественного мониторинга открытости и доступности судов и вытекающие из них предложения;

— предлагают Совету по правам человека принять участие в разработке Советом судей Российской Федерации единого документа, регламентирующего поведение граждан в помещениях судов, а также стандарта услуг, оказываемых им аппаратом судов;

— предлагают Совету судей Российской Федерации и Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека создать постоянную рабочую группу для обсуждения указанного документа, координации общественного мониторинга за его исполнением, а также для своевременного внесения в него измене-

ний с учетом обновления текущего законодательства и развития информационных технологий;

— предлагают Совету судей обсудить основные вопросы, связанные с указанным документом, в рамках существующего формата «дискуссионного клуба по обсуждению проблем судебной реформы» в мае — июне 2019 г.;

— рекомендуют заинтересованным общественным и некоммерческим организациям продолжить общественное наблюдение за судебной деятельностью;

— предлагают Совету судей Российской Федерации совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации и заинтересованными общественными организациями и научными центрами свою помощь в разработке показателей открытости и доступности судов, применяемых для оценки выполнения Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.».

В организации экспертной дискуссии в рамках ОГФ и подготовке настоящих предложений принимали участие:

— «Центр правовых программ Леонида Никитинского»;

— Объединенная группа общественного наблюдения;

— Инициатива «Суд глазами граждан»;

— уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге;

— «Гражданский контроль»;

— Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге (экспертное сопровождение).

РЕШЕНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

16 января 2019 г.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 1169 внесены изменения в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240, которыми предусмотрено поэтапное повышение размера вознаграждения адвоката, начиная с 1 января 2019 г.

Вместе с тем принятый во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 Порядок расчета размера вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела, утвержденный совместным Приказом Минюста России и Минфина России от 5 сентября 2012 г. № 174/122н (далее — Порядок), соответствующих изменений не претерпел и продолжает действовать в прежней редакции.

На основании изложенного Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации решил определить с 1 января 2019 г. следующие размеры вознаграждения адвоката в зависимости от сложности дела:

№ п/п	Критерии сложности уголовного дела	Размеры вознаграждения адвоката (руб.)		
		за один рабочий день участия в дневное время	за один рабочий день участия в ночное время	за один день участия, являющийся нерабочим праздничным днем или выходным днем, включая ночное время
1	Все уголовные дела, не предусмотренные строками 2–4 настоящей таблицы	900	1 175	1 450
2	Уголовные дела, рассматриваемые: — в закрытых или выездных судебных заседаниях; — в отношении несовершеннолетних; — в отношении подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; — в отношении подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту	1 115	1 530	1 880
3	Уголовные дела, рассматриваемые: — в отношении трех или более подозреваемых, обвиняемых (подсудимых) лиц; — в случае предъявления обвинения по трем или более инкриминируемым преступлениям; — при объеме материалов уголовного дела более трех томов	1 330	1 960	2 310
4	Уголовные дела: — рассматриваемые Верховным Судом Российской Федерации, а также судом с участием присяжных заседателей; — отнесенные к подсудности Верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа и окружного (флотского) военного суда (ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)	1 550	2 150	2 750

Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
Ю.С. Пилипенко

* Источник: https://fparf.ru/documents/council_documents/council_resolutions/63527/; https://fparf.ru/news/all_news/photo/1324/63507/

РАЗЪЯСНЕНИЕ КОМИССИИ ПО ЭТИКЕ И СТАНДАРТАМ ПО ВОПРОСУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСКРОУ-АГЕНТА*

13 сентября 2018 г. № 05/18

В порядке п. 5 ст. 18.2 Кодекса профессиональной этики адвоката Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам дает следующее разъяснение по вопросу осуществления адвокатом деятельности эскроу-агента.

По договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований (абз. 1 п. 1 ст. 926.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Таким образом, под условным депонированием (эскроу) понимается такой способ исполнения обязательства, когда имущество передается через третье лицо, эскроу-агента, пользующееся доверием как депонента, так и бенефициара.

Из существа договора условного депонирования (эскроу) следует, что такой договор обычно заключается лишь при наличии фидуциарных отношений с эскроу-агентом, которому доверяют и депонент, и бенефициар.

В этой связи очевидна востребованность представителей адвокатской корпорации для выполнения функций эскроу-агентов.

Ранее Комиссия уже отмечала важность такой ценности, как доверие общества к институту адвокатуры и профессии адвоката, основанное на принципах независимости и адвокатской тайны (Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката»).

В Кодексе профессиональной этики адвоката неоднократно подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном (фидуциарном) характере отношений между ними (ст. 5, п. 1 ст. 6).

В качестве эскроу-агента адвокат выступает гарантом исполнения обязательства, обеспечивает

сохранность имущества, а в случае наступления указанных в договоре обстоятельств передает его бенефициару.

При оказании юридической помощи в качестве эскроу-агента адвокат обязан выполнять требования, а также соблюдать запреты и ограничения, обусловленные его статусом.

Так, в силу п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката в случае, если в процессе оказания юридической помощи адвокаты принимают поручение доверителя по распоряжению принадлежащими доверителю денежными средствами (далее — средства доверителя), для адвокатов является обязательным соблюдение следующих правил:

— средства доверителя всегда должны находиться на счете в банке или в какой-либо другой организации (в том числе у профессиональных участников рынка ценных бумаг), позволяющей осуществлять контроль со стороны органов власти за проводимыми операциями, за исключением случаев наличия прямого или опосредованного распоряжения доверителя относительно использования средств каким-либо другим образом;

— в сопровождающих каждую операцию со средствами доверителя документах должно содержаться указание на совершение данной операции адвокатом по поручению доверителя;

— выплаты какому-либо лицу из средств доверителя, осуществляемые от его имени или в его интересах, могут производиться только при наличии соответствующего непосредственного или опосредованного поручения доверителя, выраженного в письменной форме;

— адвокат в порядке адвокатского делопроизводства обязан вести учет финансовых документов относительно выполнения поручений по проведению операций со средствами доверителя, которые должны предоставляться доверителю по его требованию.

Также в силу п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи, в том числе по условному

* URL: http://fparf.ru/documents/resheniya_komissii_po_etike_i_standartam/55418/

депонированию, должно содержать такие существенные условия, как:

1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате;

2) предмет поручения;

3) условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

На деятельность адвоката в качестве эскроу-агента распространяется специальный правовой режим охраны сведений, составляющих адвокатскую

тайну. Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи доверителю (п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается (п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

К отношениям, возникающим в связи с выполнением адвокатом функций эскроу-агента, применяются правила гражданского законодательства об условном депонировании (эскроу) в части, не урегулированной законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Настоящее Разъяснение вступает в силу и становится обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов после утверждения Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в сети Интернет.

После вступления в силу настоящее Разъяснение подлежит опубликованию в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации» и в издании «Адвокатская газета».

Читайте в следующем выпуске журнала:

- Поспелов О.В. Библиография по адвокатуре (часть 1).
- Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» с комментарием.
- Отзыв на монографию П.П. Серкова.
- Из Документов ФПА и АП Москвы.
- Регата «Кубок адвокатов» — проект об общих ценностях.

НЕОБХОДИМО ЕДИНСТВО ПРАКТИКИ*

Подведены итоги работы проходивших в Пятигорске 19–20 октября 2018 г. курсов повышения квалификации для членов квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Курсы сочетали лекционные занятия, на которых рассматривались вопросы дисциплинарной практики адвокатских палат и судебной практики по обжалованию дисциплинарных решений советов адвокатских палат, с интерактивным семинаром-тренингом. Обобщая прозвучавшие выступления, член Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам, вице-президент Адвокатской палоты г. Москвы Николай Кипнис пришел к выводу о том, что необходимо принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления, посвященного применению судами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, для приведения к единству судебной практики по этим вопросам. Первый вице-президент Адвокатской палаты Московской области Михаил Толчеев указал на необходимость единства дисциплинарной практики.

Как уже сообщалось, курсы организованы Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации (далее — ФПА РФ) и Адвокатской палатой Ставропольского края. Это масштабное мероприятие собрало около 120 участников — членов квалификационных комиссий и советов, президентов и вице-президентов, адвокатов ряда адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

ФПА РФ представляли президент Юрий Пилипенко, вице-президент Светлана Володина, члены Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам Николай Кипнис и Александр Никифоров, советники ФПА РФ Михаил Толчеев, Евгений Рубинштейн, Нвер Гаспарян.

Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко и президент Адвокатской палаты Ставропольского края, руководитель Южного центра повышения квалификации Высших курсов повышения квалификации адвокатов ФПА РФ Ольга Руденко приветствовали участников курсов, пожелав им успешной работы и отметив большое значение этого мероприятия для анализа дисциплинарной практики и выработки единых подходов.

Юрий Пилипенко в своем выступлении 19 октября проанализировал полномочия ФПА РФ по вопросам дисциплинарной ответственности и

высказал мнение о том, что акцент дисциплинарной практики должен приходиться на отношения между гражданином и адвокатом, а не между палатой и адвокатом. Также он прокомментировал принятие Правительством Российской Федерации постановления о повышении оплаты защиты по назначению.

19 октября обсуждались такие темы, как практика принятия адвокатской палатой решений о прекращении статуса адвоката, судебная практика по делам об оспаривании адвокатами решений советов адвокатских палат о прекращении статуса адвоката и о применении мер дисциплинарной ответственности в виде замечания или предупреждения, а также об оспаривании лицами, не являющимися адвокатами, решений органов адвокатских палат субъектов Российской Федерации. Все вопросы судебной практики рассматривались на основе анализа решений, которые по просьбе ФПА РФ были представлены адвокатскими палатами.

Практика принятия решений о прекращении статуса адвоката

Ольга Руденко поделилась опытом Адвокатской палаты Ставропольского края по принятию решений о прекращении статуса адвоката. По ее словам, в текущем году мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката применена по итогам рассмотрения 21 дисциплинарного производства. 15 из них связаны с неуплатой обязательных отчислений на общие нужды адвокатской палаты. Принимая по таким делам решение о прекращении статуса, Совет Адвокатской палаты Ставропольского края исходит из того, что адвокаты, не уплачивающие отчисления, не имеют связи с палатой и нарушают корпоративные правила — не повышают квалификацию, не сдают статистическую отчетность, не участвуют в корпоративных мероприятиях.

Из других дисциплинарных производств она выделила дело в отношении адвоката, являющегося председателем общественной организации, в задачи которой входят борьба с коррупцией и оказание квалифицированной юридической помощи. Адвокат обжаловал решение о прекращении статуса, но суд встал на сторону палаты.

По мнению Ольги Руденко, необходимо обобщить по всей стране практику, связанную с прекращением статуса адвоката. Она заметила, что при вынесении решения совет палаты должен подниматься над ситуацией, чтобы принимать не эмоциональное,

* URL: https://fparf.ru/news/all_news/news/55757/

а взвешенное решение, исходя из фактических обстоятельств дела, а также поведения и действий адвоката.

Первый вице-президент Адвокатской палаты Московской области Михаил Толчеев сообщил, что при принятии решений о лишении статуса Адвокатской палаты Московской области исходит из двух установленных Кодексом профессиональной этики адвоката базовых принципов: абсолют интересов доверителя и абсолют авторитета адвокатуры. Если поведение адвоката идет с ними вразрез, это является основанием для прекращения статуса независимо от того, привлекался ли адвокат ранее к дисциплинарной ответственности.

Михаил Толчеев привел пример из практики Адвокатской палаты Московской области: адвокат по гражданскому делу по доверенности представлял интересы наследника третьей очереди, но в процессе адвокатского расследования нашел наследника второй очереди, от его имени написал заявление на вступление в право наследования, а потом от имени наследника третьей очереди (без согласования с ним) отказался от иска.

Однако неуплата обязательных отчислений в Адвокатскую палату Московской области не является безусловным основанием для лишения статуса. Если адвокат изъявляет желание сохранить членство в палате и готов погасить задолженность, то палата идет ему навстречу. За неуплату отчислений статус прекращается только в тех случаях, когда адвокат полностью утрачивает связь с палатой. А если он после прекращения статуса выражает готовность выплатить задолженность, палата заключает с ним в суде мировое соглашение.

Михаил Толчеев считает, что адвокатуре необходим механизм, обеспечивающий единство дисциплинарной практики, — центральный орган корпорации должен обобщать практику и принимать решения по значимым вопросам.

Практика оспаривания решений о прекращении статуса

Основной темой выступления Михаила Толчеева была судебная практика по делам об оспаривании адвокатами решений советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации о прекращении статуса адвоката (на примерах дел о признании судами решений советов незаконными). Проанализировав решения судов различных субъектов Российской Федерации, которыми были отменены решения органов адвокатского сообщества о прекращении статуса адвоката, он выявил некоторые общие тенденции. Одна из самых главных, по его словам, заключается в том, что суды демонстрируют некоторую предвзятость: они изначально настроены на отмену решения и создают юридические конструкции в обоснование этого.

Основаниями для отмены могут быть нарушение срока возбуждения дисциплинарного производства (10 дней со дня поступления жалобы) или неизвещение адвоката (при этом суды демонстрируют более жесткий подход по сравнению с тем, который вытекает из норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее — ГПК РФ), а также то обстоятельство, что нарушение не связано с адвокатской деятельностью.

Но в более чем 80 процентах случаев основанием для отмены решения совета палаты о прекращении статуса адвоката является чрезмерная строгость наказания — «усмотренческий фактор, который суды обосновывают по-разному». При этом суд всегда исходит из того, что бремя доказывания возложено на палату, и указывает в решениях об отмене: палата не обосновала, что допущенное адвокатом нарушение не является проступком, влекущим менее строгую меру дисциплинарной ответственности, или мало-значительным проступком.

В связи с этим Михаил Толчеев обратил внимание коллег на необходимость тщательно аргументировать прекращение статуса, но отметил, что такое нарушение, как причинение ущерба авторитету адвокатуры, доказать в суде в любом случае сложно. Позиции о том, какими действиями может быть нанесен этот ущерб, и о том, что должно и не должно для адвоката, формирует сама адвокатская корпорация, для суда ее авторитет не является самостоятельной ценностью. Многие нарушения, не касающиеся непосредственно адвокатской деятельности, суд обычно трактует как малозначительные. Это относится, в частности, к ситуациям, связанным с поведением адвоката в публичном пространстве.

Практика оспаривания решений о замечаниях и предупреждениях

Практика показывает, что вопреки положениям Кодекса профессиональной этики адвоката суды рассматривают дела об оспаривании решений не только о лишении статуса, но и о вынесении замечаний и предупреждений.

Судебную практику по делам об оспаривании адвокатами решений советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации о применении мер дисциплинарной ответственности в виде замечания или предупреждения обобщил член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области Александр Никифоров. Проанализировав 31 судебное решение, он пришел к выводу, что нет четкой грани между основаниями, по которым к адвокату применяются эти меры дисциплинарной ответственности.

В рассмотренной им выборке среди оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности в виде замечания преобладают: «двойная

защита»; принятие поручения на защиту в порядке ст. 51 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) вне установленного порядка; грубые ошибки адвоката; неявка в судебное заседание, нарушение порядка в судебном заседании; защита без заключения письменного соглашения; иные нарушения. Основаниями для вынесения предупреждения обычно служат: «двойная защита»; принятие поручения на защиту в порядке ст. 51 УПК РФ вне установленного порядка; грубые ошибки адвоката; неявка в судебное заседание, нарушение порядка в судебном заседании; иные нарушения. Таким образом, в представленной выборке лишь защита без заключения письменного соглашения является основанием применения только одной из двух рассматриваемых мер ответственности.

К основным доводам поданных в суд жалоб на дисциплинарные решения Александр Никифоров отнес: несоблюдение требований объективности, полноты, достоверности при рассмотрении дисциплинарного производства; нарушение процедуры при рассмотрении дисциплинарного производства; несоответствие дисциплинарного взыскания тяжести проступка. Он рассмотрел конкретные ситуации, прокомментировав позицию судов.

Например, касаясь первой группы решений, Александр Никифоров привел пример, когда в жалобе заявитель указал, что члены квалификационной комиссии как будто намеренно не рассматривали те документы, которые он представил в доказательство своей невиновности. В связи с этим он отметил необходимость давать по каждому документу заключение, почему квалификационная комиссия его принимает или не соглашается принять.

Один из аргументов для обжалования по вопросам процедуры состоял в том, что вице-президент палаты возбудил дело на основании представления органов внутренних дел. Суд встал на сторону палаты, указав, что Кодекс профессиональной этики адвоката не регулирует вопрос, на основании каких документов возбуждается дело вице-президент. В этой группе решений интерес представляет позиция одного из судов Самарской области, который признал надлежащим извещение адвоката по электронной почте.

Александр Никифоров обратил внимание коллег на то обстоятельство, что суды, рассматривая дела об отмене дисциплинарных решений, не всегда учитывают положения Кодекса профессиональной этики адвоката. Если, например, один из судов Самарской области, ссылаясь на данный кодекс, указывает, что у него нет компетенции рассматривать материальную сторону дела, то практика других регионов показывает, что суды исследуют не только процедурные вопросы, но и объективную сторону проступка.

Практика оспаривания заявителями отказов в возбуждении дисциплинарного производства, а также решений советов палат, принятых по итогам рассмотрения дисциплинарных производств

Член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы Николай Кипнис сделал обзор судебной практики по делам об оспаривании лицами, не являющимися адвокатами, решений органов адвокатских палат субъектов Российской Федерации об отказе в возбуждении дисциплинарного производства, а также решений советов палат, принятых по итогам рассмотрения дисциплинарных производств.

Отказы в возбуждении дисциплинарных производств основываются на положениях п. 2 и 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката и были вызваны следующими причинами:

1) обратился ненадлежащий субъект — тот, кто не заключал соглашение с адвокатом, или не тот, кого адвокат должен был защищать, т.е. лицо, не уполномоченное Кодексом профессиональной этики адвоката на подачу жалобы с конкретным предметом (например, генеральный директор ООО, с которым заключено соглашение на юридическое обслуживание, обращается в суд как физическое лицо; лицо, с которым было заключено соглашение на защиту его родственника, обращается с жалобой на качество работы адвоката, а не по вопросу об оформлении отношений адвоката с доверителем);

2) предмет обращения не соответствует предмету дисциплинарного производства, т.е. это действия адвоката, не связанные с профессиональной деятельностью (например, с жалобой обратился бывший доверитель адвоката, но в связи с взысканием адвокатом с заявителя за пределами адвокатской деятельности задолженности по договору займа);

3) неконкретность жалобы (нарушение заявителем при подаче жалобы положений подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката);

4) истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности (п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

По словам Николая Кипниса, все представленные адвокатскими палатами решения (распоряжения) президентов палат об отказе в возбуждении дисциплинарного производства, равно как и решения, принятые советами палат по итогам рассмотрения возбужденных дисциплинарных производств, суды, рассматривавшие иски заявителей, оставили без изменения.

Некоторые выводы

Резюмируя прозвучавшие на курсах обзоры судебной практики, Николай Кипнис сделал вывод, что как по делам об оспаривании решений в отказе о возбуждении дисциплинарного производства

лицами, не имеющими адвокатского статуса, так и по тем делам, когда доверители обжалуют результаты дисциплинарного производства либо по мотиву принятия неверного решения об отсутствии в действиях адвоката проступка, либо по мотиву слишком мягкой меры взыскания, примененной к адвокату, суды в целом поддерживают позицию адвокатского сообщества.

Но при этом суды, во-первых, принимают и рассматривают жалобы на применение мер дисциплинарной ответственности в виде замечания и предупреждения, а не только прекращения статуса, а во-вторых, по всем категориям исков не исключают для себя проверку по существу доводов (т.е. не только проверяют решения советов адвокатских палат на предмет соблюдения процедуры дисциплинарного производства, но и вторгаются в материальный аспект). Таким образом, соответствующие нормы КПЭА суды и не отвергают, но и не принимают полностью.

Кроме того, по мнению Николая Кипниса, остаются нерешенными два важных процессуальных вопроса. Первый заключается в следующем: в порядке какого судопроизводства — гражданского или административного — должны слушаться дела по претензиям граждан-заявителей к палате? Ответ на этот вопрос важен в том числе для определения подсудности.

Практика демонстрирует различные подходы судов. «Например, было представлено самарское дело, которое слушалось в том же суде, где и все дела по искам к Палате адвокатов Самарской области. Оно было разрешено в пользу палаты, но рассматривалось в порядке Кодекса административного производства Российской Федерации (далее — КАС РФ). При этом есть Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», где в п. 2 указано, что «...не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами... которые подлежат разрешению в исковом порядке», — говорит Николай Матвеевич.

По его мнению, необходима определенность в понимании того, как квалифицировать ситуации, когда гражданин обжалует решения совета палаты, т.е. решения, связанные с взаимоотношениями совета палаты с адвокатом: можно ли относить такие ситуации к сфере внутрикорпоративных отношений палаты с адвокатом, или же это отношения гражданина с палатой? От этого зависит ответ на вопрос о том, в порядке какого судопроизводства должны слушаться подобные дела.

«С этим связана вообще проблема правомерности таких обжалований, т.е. нужно ли слушать такие дела по существу или их нужно прекращать ввиду отсутствия правового интереса у заявителя», — считает Николай Кипнис. Правомочен ли гражданин-заявитель обжаловать решения дисциплинарных органов в судебном порядке — это второй важный процессуальный вопрос, на который он обращает внимание.

Есть несколько примеров (решения судов г. Москвы, Ростова-на-Дону), когда суд на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ прекращал производство, признавая, что с иском обратилось лицо, чьи права и интересы не затрагиваются принятым дисциплинарным решением. Эта позиция базируется на нескольких актах Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе на Определении от 1 марта 2007 г. № 293-О-О по жалобе гражданина Л.Г. Клименка. Из нее следует, что «дисциплинарное производство, проводимое в отношении адвоката, не влияет на правовое положение гражданина-доверителя, который его инициирует». Но в судебной практике есть примеры и противоположного подхода.

Для формирования единых подходов в судебной практике Николай Кипнис считает необходимым принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации специального постановления о применении судами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Интерактивный семинар

Во второй половине дня 19 октября начался интерактивный семинар-тренинг «Практические навыки и стандарты рассмотрения дисциплинарных производств в квалификационной комиссии», который завершился 20 октября. В его рамках проведено пять игровых заседаний квалификационной комиссии.

Для этого участвовавшие в мероприятии члены квалификационных комиссий разделились на группы, каждая из которых выбрала председателя комиссии и получила задание по рассмотрению конкретного дисциплинарного производства. Заседания проводились в соответствии с требованиями ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Участники каждой группы ознакомились с предположенной фабулой дисциплинарного производства, определили круг доказательств, подготовили и задали вопросы участникам дисциплинарного производства (явка которых в лице специально подготовленных «актеров» была обеспечена организаторами), вынесли мотивированное заключение.

Эксперты — вице-президент ФПА РФ Светлана Володина; президент Адвокатской палаты Ставропольского края Ольга Руденко; член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, вице-президент

Адвокатской палаты г. Москвы Николай Кипнис; член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области Александр Никифоров; советник ФПА РФ, член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы Евгений Рубинштейн; заместитель председателя Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы Иван Жуков — оценили итоги каждого заседания, прокомментировали рассмотренные ситуации и ответили на вопросы аудитории.

По окончании тренинга Ольга Руденко вручила всем участникам сертификаты о повышении квалификации, отметив, что, по ее мнению, именно такой формат учебных мероприятий — сочетание лекционных занятий с интерактивным семинаром, позволяющим полностью погрузиться в конкретную ситуацию и решить практическую задачу, дает хороший образовательный эффект.

Источник:

https://fparf.ru/news/all_news/news/55757/

ОБРАЩЕНИЕ
СОВЕТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

17 декабря 2018 г.

г. Москва

О СОБЛЮДЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР И ПРИНЦИПОВ

В последнее время некоторые адвокаты, в нарушение общепризнанных традиций российской адвокатуры и закрепленных в Законе об адвокатуре норм, адресуют вопросы, подлежащие разрешению в соответствии с установленными в адвокатской корпорации правилами и процедурами, в государственные органы.

Совет ФПА РФ считает необходимым привлечь внимание к тому, что обращение в Министерство юстиции Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, иные государственные органы с подобными вопросами противоречит таким основам деятельности российской адвокатуры, как независимость и самоуправление.

Совет ФПА РФ напоминает, что общей для всех российских адвокатов задачей является развитие корпоративного самоуправления и совершенствование его механизмов с целью упрочения адвокатуры как независимого от государства института гражданского общества и укрепления единства адвокатского сообщества. Основой для этого служат положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Законодательством об адвокатуре установлены демократические процедуры принятия решений по вопросам деятельности адвокатской корпорации. Принцип демократии заключается в обязательности для исполнения всеми членами сообщества решений, принятых органами адвокатского самоуправления большинством голосов в предусмотренном законом порядке.

Совет ФПА РФ обращается ко всем адвокатам с призывом руководствоваться данным принципом и не поддаваться на провокации со стороны тех, кто демонстративно игнорирует его с целью дестабилизировать институт адвокатуры.

Как подобного рода провокацию Совет ФПА РФ рассматривает направление в Министерство юстиции Российской Федерации и Генеральную прокуратуру Российской Федерации обращений, которые касаются отношения ФПА РФ и ее руководства к исполнению сметы, а также решений Всероссийского съезда адвокатов.

Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 4, 5, 6 п. 2 ст. 36) определены размер отчислений адвокатских палат на содержание ФПА РФ,

утверждение сметы расходов на эти цели и отчета о ее исполнении отнесены к компетенции Всероссийского съезда адвокатов. С учетом периодичности созыва съезда смета расходов принимается на два года. При этом на рассмотрение съезда выносятся проект сметы, предварительно утвержденный Советом ФПА РФ.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 3 п. 2 ст. 30) представители адвокатского сообщества на Всероссийский съезд адвокатов избираются на собраниях (конференциях) адвокатских палат. Делегаты съезда вправе доводить до сведения адвокатов содержание всех утверждаемых им документов, включая смету расходов на содержание ФПА РФ и отчет о ее исполнении.

Текущая смета расходов утверждена VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., отчет о ее исполнении будет представлен на рассмотрение Совета ФПА РФ и вынесен на утверждение IX Всероссийского съезда адвокатов в апреле 2019 г.

Расходы на аренду находятся в полном соответствии с параметрами сметы, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов. Вопрос о возможности переезда ФПА РФ в другое помещение выносился на расширенное заседание Совета ФПА РФ, который принял решение сохранить место

нахождения ФПА РФ в помещении, занимаемом ею с 2003 г.

Вознаграждение адвокатов, работающих в органах адвокатского самоуправления, определяется в соответствии с утвержденной сметой.

Совет ФПА РФ также напоминает, что согласно Положению о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313, Минюст России выполняет в сфере адвокатуры функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию. Функции прокуратуры установлены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1. Текущий контроль за деятельностью адвокатской корпорации, в том числе оценка решений Всероссийского съезда адвокатов, указанными актами не предусмотрены.

Совет ФПА РФ подчеркивает, что осуществление Министерством юстиции Российской Федерации, равно как и любым другим государственным органом, контроля за текущей деятельностью органов адвокатского самоуправления, в том числе финансово-хозяйственной, означало бы ограничение независимости адвокатуры. Инициативы членов адвокатской корпорации, направленные на ограничение независимости адвокатуры, по мнению Совета ФПА РФ, недопустимы.

**ОБЩИЕ ПРАВИЛА
оформления статей и иных материалов,
направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «ЮРИСТ»**

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, в конце каждой страницы, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц, что соответствует 20 000 знаков (с учетом сносок и пробелов) (далее — Статья). К рассмотрению не принимаются Статьи, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления Статьи в несколько изданий в дальнейшем Статья автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его Статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на Статью заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию Статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист». Статьи, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.